МИХАИЛ
КЛИКИН
ЛИЧНЫЙ ДРУГ БОГА

Михаил Кликин

Личный друг Бога

Серия «Личный враг Бога», книга 2

Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=138849
Личный друг Бога : Эксмо; М.:; 2006
ISBN 5-699-15615-1

Аннотация

Ему говорят, что он бессмертен. Его убеждают, что он умер. Сам он еще верит, что это игра. Но ему предстоит узнать, что игры давно закончились. Глеб Истомин – так его зовут. Раньше он часто посещал виртуальный мир. Теперь он не знает, как его покинуть. Герой пытается разобраться, что с ним случилось. Путь его полон опасностей, чудовища подстерегают его, люди ведут на него охоту.

Глеб ищет тех, кто знает правду. Но нужна ли эта правда ему?

Содержание

Часть первая: Жизнь шестая 7
Глава 1 7
1 8
2 9
3 11
4 12
5 15
6 17
7 21
8 24
9 26
Глава 2 37
1 40
2 43
3 46
4 52
5 55
6 59
7 64
8 65
Глава 3 69
1 72
2 75

3 78
4 82
5 83
6 87
7 94
8 98
9 99
Глава 4 105
1 106
2 108
3 110
4 113
5 115
6 117
7 124
8 132
9 135
Глава 5 137
1 138
2 139
3 142
4 143
5 147
6 153
7 158
8 161

Глава 6 163
1 166
2 170
3 174
Конец ознакомительного фрагмента. 175

Михаил Кликин
Личный друг Бога

Да восстанет когда-нибудь мститель из наших костей.
Вергилий Марон Публий

В начале XXI века гигантская корпорация заинтересовалась исследованиями мозга. Она не жалела денег, разрабатывая перспективное направление. Лучшие нейрофизиологи мира работали в ее лабораториях.

Через пятнадцать лет стало возможным обеспечить прямую связь между человеческим мозгом и компьютерными системами. Новая технология получила широчайшее применение – но наиболее полно она использовалась в индустрии развлечений.

Маленькое устройство, вживленное в мозг, позволяло людям посещать многочисленные компьютерные миры. Миры, чьи чудеса ограничивала лишь фантазия создателей. Миры, где действовали лишь те законы, что заложили их творцы. Миры реалистичные и насыщенные событиями…

Шло время. Технология развивалась. Все больше людей включалось в виртуальную жизнь.

И для многих из них то, что когда-то было игрой, стало очень серьезным делом.

Часть первая: Жизнь шестая

Глава 1

Письмо было написано на хорошей плотной бумаге.

Написано от руки. Красивым ровным и уверенным почерком.

Написано ручкой. Быть может, настоящим Паркером.

Письмо было вложено в конверт, на котором не было ни адреса получателя, ни адреса отправителя, ни почтовых штемпелей, ни марок. Возможно, на нем не было и отпечатков пальцев. Но Танк не стал это проверять.

– Завтра в восемь часов утра, – перечитал он вслух, – будьте в парке, где Вы обычно выгуливаете собаку. На третьей скамейке Вас будет ждать человек. Он предложит Вам работу.

Танк хмыкнул.

Обычно работодатели выходили на него через электронную почту. Бумажное письмо, к тому же рукописное – это нечто новое, необычное. И встреча в парке…

Каким-то образом они его нашли. Узнали, где он прогуливается. Выяснили, где он живет. И подбросили письмо к двери за минуту до того, как он вернулся.

Наверняка, у них есть его фото. А скорей всего, целое до-

сье…

Впрочем, бояться Танку было нечего. Ничего преступного он не совершал вот уже… лет пять, наверное. Мелкие шалости в счет не шли, да и – Танк был уверен – засечь его тогда не могли. Долгов за ним не водилось, все старые грехи были отмолены и прощены, так что…

Видимо, это действительно очередной работодатель. Немного странный. А возможно, просто богатый. Решивший поиграть в шпионов. А может, просто не доверяющий новым технологиям.

Богатый чудаковатый ретроград…

– Завтра увидимся, папаша, – пробормотал Танк, отложил письмо, выдвинул ящик стола и достал пистолет – вороненый, тяжелый, шестизарядный. Увесистый и убедительный.

Газовый…

1

«Месть» – он не сразу вспомнил это слово.

Сначала было жгучее чувство, неуютное, угловатое, неудобное и такое привычное, знакомое. Оно-то его и разбудило, вернуло к жизни, воспламенило душу, придало сил.

Он скрипнул зубами, стиснул кулаки. Ему казалось, что он задыхается. На самом деле он просто забыл, как дышать.

«Месть» – это было первое слово, которое он вспомнил.

Потом он вспомнил имя своего врага.

И лишь после этого – свое собственное.

Он распахнул глаза и закричал. Он услышал себя и увидел тьму. Он обонял ночь и чувствовал крепкие объятия холодной земли.

Он родился.

Глеб – это было его имя.

Епископ – так звали его заклятого врага.

2

Черное Урочище пользовалось дурной славой. Жуткие истории рассказывали про это место: о покойниках, выходящих на дорогу в лунные ночи, о всаднике с медвежьей головой, скачущем по макушкам деревьев, о трех огромных псах, стерегущих потайную пещеру, где скрывается от людей шестирукое свирепое чудище, единственное во всем Мире.

Много всякого рассказывали местные Одноживущие, пугая путников, набиваясь в проводники. Намекали, что знают секреты, как не разбудить чудовищ Черного Урочища, как незамеченными пересечь нечистое место, как избежать опасности…

– Не шуметь! – прокричал Волколак, обернувшись. – С телег не слезать! – Он не впервые проезжал здесь, и ему не требовались проводники. Он и без них знал, как нужно вести, чтоб не потревожить Урочище. – По сторонам не пя-

литься, смотреть только на меня!

Дорога пошла вниз – начался спуск в котловину. Впереди показалась похожая на гигантскую лапу коряга, сплошь увешанная цветными ленточками – она отмечала границу Урочища.

– Если что-то почудится, не реагировать! Слушать только меня!

Волколак был Двуживущим. Ему – единственному ребенку в семье – недавно исполнилось пятнадцать лет, он учился в обычной школе, увлекался историей, любил фильмы ужасов и, конечно же, компьютерные игры – такой была его первая – обыкновенная – жизнь.

Вторая его жизнь была куда более интересна. Уважаемый мужчина, неплохой воин, мастер боя на мечах, профессиональный охранник, проводник с хорошей репутацией – он легко находил работу, когда ему требовались деньги. Он мог себя обеспечить и мог за себя постоять.

– Въезжаем! – крикнул Волколак, когда его повозка поравнялась с увешанной ленточками корягой.

Торговля людьми в Мире не считалась преступлением, ведь здесь не было законов. Но работорговцев не любили, и потому они старались держаться в тени.

Волколак сопровождал обоз с живым товаром. И хотя в реальной жизни он осуждал рабство, как того велела школа, сейчас он не считал, что занимается чем-то постыдным.

Ведь это была всего лишь игра.

3

Глеб рванулся, что было сил, и земля, вздохнув, отпустила его. Он тут же лег на живот, ухватился за пучки осоки, и пополз, выбираясь из осыпающейся ямы, так похожей на могилу.

Он не вполне понимал, что происходит, он еще не пришел в себя, не осознал, как тут оказался, и что это за место. Но некое чувство подсказывало ему, что сейчас что-то случится. Он чувствовал опасность. Предугадывал ее.

Память подсказывала, что так было всегда – после каждого рождения следовало испытание.

Новорожденный должен подтвердить право на жизнь. Пройти боевое крещение, получить первый опыт, а, быть может, первое оружие и первые деньги.

Если повезет…

«Это игра, – вспомнил Глеб. – Это Мир.»

И тут же его сознание погребли какие-то неясные мысли, пугающие и странные. Глеб застонал, ощущая, как вспухает голова, обхватил ее руками, стиснул, не давая лопнуть, отполз на пару шагов от родившей его могилы, встал, покачиваясь, не замечая, что в нескольких шагах от него проходит дорога и не видя, как поблизости расступились кусты, выпуская на открытое место странное существо, отдаленно похожее на человека…

«Епископ» – имя заклятого врага было словно спасательный круг. Глеб уцепился за него, подтянул к себе. Сразу сделалось спокойней. Постепенно унялся ураган смутных мыслей и образов. Но осталось знание, что не все в порядке.

А потом Глеб увидел перед собой страшное черное лицо с оскаленной пастью, и понял, что пришел первый враг, и пора бороться за жизнь…

4

На дороге что-то темнело…

Волколак положил ладонь на рукоять меча, присмотрелся.

Какие-то груды… Похоже, тела…

Верно, кто-то из путников забрел на опасное место, не зная о правилах или позабыв о них, растревожил Урочище, разбудил нечисть…

Волколак поднял руку, предупреждая о возможной опасности. Он был единственный воин в обозе, но перед началом перехода он проинструктировал всех, кто мог держать оружие, и сейчас он знал, что возницы, заметив его жест, взялись за топоры и рогатины.

Какая-никакая, а поддержка…

Фыркнула лошадь, почуяв мертвечину, прянула ушами, тряхнула головой. Щелкнул кнут – словно сухой прут лопнул. И люди, и животные торопились миновать опасное место.

Человека, прижавшегося к стволу осины, Волколак заметил лишь когда тот шевельнулся. Как обычно рефлексы опередили разум – Волколак не успел ничего понять, а клинок, дрожа, уже указывал на подозрительную фигуру.

Человек ли?

– Помогите, – всхлипнул незнакомец и Волколак уверился, что это действительно человек – чудища Черного Урочища говорить не умели.

Но кто он?

Грязный, всклокоченный, босой, в каком-то рубище, безоружный, сильно ослабевший, возможно, раненный, хотя ран не видно, и крови не заметно – как он здесь очутился, что делает, почему жив?

Волколак тронул возницу за плечо, велел придержать лошадь.

– Кто ты такой?

Грязный человек вышел на дорогу, направился к головной телеге остановившегося обоза. Двигался он неуверенно, шатко, подволакивал ноги, словно зомби.

– Кто ты? – повторил вопрос Волколак. Он не собирался спускаться с повозки, чтобы помочь незнакомцу. Волколак знал, что земля Черного Урочища отбирает силы у любого человека, что топчет ее. Отбирает и передает обитающей здесь нечисти.

– Я… я… – Человек дошел до повозки, схватился за высокий борт, поднял голову. Волколак посмотрел в его бес-

цветные глаза, спросил, не нуждаясь в ответе:

– Ты Одноживущий?

– Я… я… – Человека словно заклинило. Его перепачканное землей лицо дергалось, кадык прыгал вверх-вниз. – Я…

– Ты меня понимаешь?

Конечно же, Одноживущий не может понять речь настоящего человека. Ведь он просто кусок программного кода. Он способен реагировать на какие-то слова, на сочетания слов, в него заложена возможность самообучаться, он может анализировать структуру фраз. Но понимать? Нет.

– Как тебя зовут? – на этот вопрос способен ответить любой Одноживущий.

– Я… Глеб…

Конечно, Одноживущий, – уверился охранник. – У Двуживущих таких имен не бывает.

– Ладно, забирайся. – Он подал руку изможденному бедолаге – помог ему подняться и одновременно поздоровался. – Меня зовут Волколак. Будем знакомы.

Задерживаться здесь было опасно. Они и так рисковали, остановившись посреди Урочища.

– Пошли! – Волколак, не медля больше ни секунды, махнул рукой, и обоз тронулся.

Когда повозка поравнялась с мертвыми телами, лежащими у обочины, Волколак повернулся к подобранному Одноживущему.

– Кто их так? Ты случайно не видел?

Одноживущий не ответил. Он лежал на дне телеги, уставившись пустыми глазами в небо.

«Словно восковая кукла, – подумал Волколак. – Восковая кукла с электронной начинкой.»

Он помахал ладонью перед лицом Одноживущего, убедился, что тот ни на что не реагирует и потерял к нему интерес. Сейчас его занимало другое – он строил предположения о том, кто же прикончил трех упырей, и где сейчас этот человек.

Или же бойцов было несколько?

Одиночке с такими соперниками управиться трудно. Вдвоем – куда легче, особенно если один боец – маг, а другой – воин.

И если такая парочка встретится где-нибудь впереди, если они не любят работорговцев, и не брезгуют грабежом, то проблем они могут доставить не меньше, чем все Черное Урочище со всей своей нежитью и нечистью.

Знать бы, кто это люди, и где они сейчас…

5

Молния ударила с чистого неба. С треском вонзилась в землю, опалив ближайшие кусты, расплескав почву. Невесть откуда взявшийся дым – ярко-синий, плотный, клубящийся – вмиг затянул горячую воронку.

В дыму кто-то надрывно кашлял.

Длинный посох вылетел из синего облака, упал на траву. Через мгновение рядом с посохом шлепнулась дорожная сумка. А потом из дыма, разгоняя его руками, выступил кашляющий человек.

– Вот черти… – Он пытался ругаться, но ему не хватало воздуха. – Говорил же… Выдержите рецепт… Так нет!.. Напутали!..

Он упал рядом со своими пожитками, рукавом долгополого шерстяного халата вытер слезящиеся глаза, кое-как справился с кашлем, отдышался, огляделся.

– Опоздал?

В пяти шагах от наполненной дымом воронки чернела вывернутой землей яма, похожая на большую кротовину.

– Опоздал! – Человек досадливо сплюнул, подтянул к себе посох, крикнул во весь голос: – Глеб! Эй! Слышишь меня?!

Наверное, человек не понимал, где находиться. Или не знал, как следует себя вести в Черном Урочище.

– Где ты, парень?! Иди сюда, пока тебя не сожрали! Это опасное место, правду тебе говорю!

Похоже, человек этот просто ничего не боялся.

– Ну куда же ты делся?

По-стариковски кряхтя, он поднялся на ноги, подошел к яме, из которой выполз Глеб, потрогал землю, осмотрел примятую траву, заметил тела вампиров, покачал головой. Пробормотал:

– И где теперь тебя искать, парень? – Он выпрямился, под-

хватил сумку, забросил ее за плечо и быстрым шагом направился к дороге.

Он уже видел в пыли отпечатки колес и подкованных копыт.

– Поговорить бы нам надо, парень… – бормотал человек, разглядывая следы, оставленные обозом, и пытаясь угадать, в какую сторону двигались телеги. – Подождал бы ты меня, а?.. Ох, смотри, не натвори там делов…

6

Обоз остановился на перекрестке дорог, у большого камня, который был испещрен памятными надписями на разных языках: «Алый Лев проезжал тут», «Бойтесь меня! Смеагорл», «Это дорога в ад», «Режь Одноживущих!», «Магов – нет!»

– Ваши деньги, господин, – сказал торговец Том, передавая Волколаку тугой кошель.

– Что-то много.

– Тут еще плата за нового раба.

– Какого раба? – не сразу понял Волколак. – Ты про этого оборванца что ли? Он не раб.

– Он раб, господин, – твердо сказал Том. – Мы его спасли, он нам должен, но у него ничего нет. Значит, он сам принадлежит мне.

Волколак возражать не стал – пустое это дело спорить с

Одноживущим.

– Ну, как знаешь… Только смотри не прогадай. Сдается мне, раб из него плохой выйдет. Вон, валяется словно труп. Живой ли?

– Живой, – сказал Том.

– Куда вы дальше?

– Туда, – неопределенно мотнул головой работорговец. Ни к чему Двуживущему знать путь невольничьего каравана.

– А я туда, – махнул рукой Волколак в сторону знакомой деревеньки, стоящей на плешивом пригорке.

Они расстались. Обоз двинулся дальше. Волколак, привалившись спиной к белому исписанному камню, смотрел, как, громыхая, катятся мимо глухие фургоны с крохотными окошками-отдушинами под самой крышей, с единственной дверью, запертой снаружи.

Один, второй, третий… Сколько же там человек, сколько невольников? А что, если среди них оказался Двуживущий?

Что за глупость! Двуживущий не может быть рабом. Ничто не удержит его в оковах, ничто не заставит подчиняться хозяину.

Волколак представил, что стал бы он делать, случились ему попасть в рабство. Усмехнулся, почесал кулак, повел плечами.

Это было бы хорошее приключение…

Обоз ушел. Расползлось по лугу поднявшееся облако пыли, осело на траве. А Волколак все стоял, думал…

Ему было пятнадцать лет, но об этом знал он один. Ну и, наверное, те люди, что обслуживали игру. Но они ни с кем не делились такой информацией – не имели права.

Ему недавно исполнилось пятнадцать лет, но мужчины – настоящие мужчины – считали его равным. Главное, быть немногословным и уверенным. Тогда никто не заподозрит, что в действительности ты пацан. Молодой парнишка, школяр, который вымолил у родителей разрешение на вживление нейроконтактера, а теперь просаживает их деньги.

Ему было пятнадцать лет, а он уже мог убивать. Не взаправду, понарошку. Рубить мечом головы, отсекать конечности, вспарывать животы.

Он мог делать все, что угодно.

Даже пить пиво. Вернее, эль – так называли этот хмельной напиток Одноживущие. Настоящего пива Волколак еще не пробовал, но он не сомневался, что оно ничем не лучше пива виртуального. А скорей всего – хуже…

Волколак посмотрел в сторону деревни. Там есть неплохая забегаловка. И знакомый хозяин держит для него комнату, ведь он частый гость, постоянный клиент.

Но скоро…

Скоро все измениться.

Еще сотня-другая монет, еще чуть-чуть опыта, еще некоторое количество полезных знакомств – и тогда можно будет покинуть эти места. Отправиться по Миру на поиски приключений. А перед этим надо будет купить хорошие доспехи

и оружие. И взять несколько уроков у мастеров. Может быть даже на целый сезон стать чьим-то учеником.

Так вернее. Так безопаснее.

«Двигаясь понемногу, пройдешь дольше, – любит приговаривать хозяин харчевни. – А бегущий без остановки быстро свалится замертво».

Волколак не хотел свалиться замертво.

Он знал, что новая жизнь, новое подключение влетит в копеечку. И вряд ли родителей обрадует новость, что пора опять раскошелиться.

Волколак криво усмехнулся, подобрал острый кусок щебня, шагнул к придорожному камню, нашел знакомую надпись. Привстав на цыпочки, старательно обновил ее, обвел стрелку, указывающую на плешивую макушку холма с плоскими бородавками крыш. Отступил на шаг, склонил голову набок, полюбовался результатом.

«Волколак проведет вас через Черное Урочище. Дешево. В любое время.»

Он ведь здесь не бездельничал. Он тоже работал. Зарабатывал на жизнь.

И заработок этот был настоящим. Ведь при желании виртуальные монеты можно обратить в реальную наличность. И как знать, может когда-нибудь, когда у него будет приличный доход, именно так он и станет поступать. Ведь есть же люди, для которых игра – прибыльное занятие. Существуют же специальные биржи, где игровое золото можно обменять

на любую валюту, есть и сетевые магазины, в которых можно продать ненастоящее барахло за настоящие деньги – за доллары, евро, юани, рубли.

«Когда-нибудь, – заверил себя Волколак, – игра сделает меня богатым.»

Главное – двигаться понемногу.

Главное – не спешить.

7

Гудели, ныли голоса.

Ни слов, ни звуков – только ровный монотонный гул.

И отдаленный лязг. Стальной звон. Постукивание.

Мечи…

Глеб очнулся, дернулся, приподнялся. Огляделся недоуменно, встревоженно.

Он лежал на полу, в углу на куче тряпья. Над его головой потрескивал факел, ронял огненные капли в прибитую к стене миску с водой. На закопченных потолочных балках колыхались грязно-серые паучьи тенета – словно обрывки сгнивших флагов.

В тесной комнате было полно народу. Испуганные встревоженные люди сидели, скрестив ноги, полулежали, привалившись к стенам. Кто-то нервно расхаживал, перешагивая через вытянутые ноги, через тела, топча сброшенную одежду, пиная стоптанную обувь.

– Где я? – Глеб пытался вспомнить, как он здесь очутился.

В комнате не было мебели. Голые бревенчатые стены были изрисованы углем – примитивно изображенные человечки сражались на мечах и копьях, стреляли из луков по мишеням, бились врукопашную.

– Что это за место? – голос Глеба влился в общий гул и потерялся, растворился в нем.

Окон здесь не было. Только обитая железными полосами дверь, с маленьким смотровым окошечком, закрытым в данный момент.

– Что происходит? – Глеб, опираясь на стену, встал.

Он странно себя чувствовал. Очень необычно.

Это его пугало.

И память… Что-то случилось с его памятью. Ее словно вычистили, обрубили что-то, и культи воспоминаний так мучительно саднили…

«Амнезия», – выплыло нужное слово. И Глеб, не удержавшись, произнес его вслух. Громко. Так громко, что его наконец-то услышали.

– Я – Ирт, – повернулся к нему небритый мужичок средних лет, крепкий, широкоплечий, жилистый, но болезненно бледный.

– Ты Одноживущий?

– Да, – мужичок кивнул. – Здесь все Одноживущие.

– Но я… Как я сюда попал, ты видел?

– Конечно, Амнезия. Мы же ехали вместе, в одном фур-

гоне. А после Том нас продал.

– Какой Том? – тупо спросил Глеб.

– Ну, Том. Работорговец.

– Продал? Нас?

– Да. Мы рабы. И он нас продал. Двоих по цене одного. Кажется, он просто хотел от тебя избавиться.

– Я не могу быть рабом!

– Любой, кто попал в фургон Тома, становится рабом, Амнезия.

– Меня зовут Глеб!

– У меня тоже два имени.

– У меня одно имя! Глеб! Так меня зовут! Глеб! И никак иначе!

– Хорошо. Я понял. Только не кричи. Здесь и без того страшно.

Глеб, сделав над собой усилие, закрыл глаза и медленно сосчитал до десяти. Ирт внимательно смотрел, как шевелятся его губы.

– Так ты знаешь, что это за место? – спросил Глеб, чуть успокоившись.

– Говорят, это школа Ордена Смерти.

– Что?

– Здесь Двуживущие под присмотром учителей оттачивают свое мастерство.

– Какой Орден? Смерти?

– Да. Разве ты ничего о нем не слышал?

– Нет.

– Странно, – удивился Ирт. – Об этих людях знают все, их бояться, с ними не связываются. Они убивают Одноживущих. Просто так, безо всякого повода. Они вырезают целые деревни, никого не жалея. В городах они устраивают погромы. Их лица всегда скрыты костяными масками, похожими на черепа. Это страшные люди.

– Значит, мы влипли в историю, – проговорил Глеб и покосился на закрытую дверь, из-за которой доносился приглушенный лязг мечей. – И что будет дальше?

– Скоро нас отведут на арену. И заставят драться с Двуживущими. Так мне объяснили.

– Нам дадут оружие?

– Я не знаю.

– Нас отпустят, если мы победим?

– Мы не победим, – спокойно сказал Ирт. – Они – Двуживущие. Это они всегда побеждают. А мы… Сейчас мы все готовимся к смерти…

8

Трижды, скрежеща, открывалась дверь. И люди вздрагивали, поворачивали головы, замирали напряженно.

В первый раз принесли хлеб. Два ничем не примечательных человека внесли его на большом подносе, поставили у порога и сразу исчезли. Никто не успел как следует их раз-

глядеть, никто не понял, были они Двуживущими, или же рабами, как все прочие заключенные.

Потом те же люди принесли воду в деревянных ведрах.

А когда хлеб кончился, дверь открылась в третий раз.

В комнату шагнул высокий человек с костяной маской на лице, и с алой повязкой на рукаве черного плаща. Мгновение он стоял неподвижно, и лишь живые глаза в прорезях мертвой маски двигались – тяжелый взгляд скользил по лицам невольников. Медленно поднялась рука, шевельнулся указательный палец:

– Ты…

Круглолицый рябой здоровяк выронил недоеденную горбушку.

– Ты…

Пожилой крестьянин побледнел, привалился к стене.

– Ты…

Долговязый жилистый парень покачнулся, стиснул кулаки. Рот его перекосился, губы шевельнулись – сперва почти беззвучно. Потом – исторгнув крик:

– Нет! Не пойду!

Человек в маске вмиг очутился возле него – никто и понять ничего не успел, разве один только Глеб. Сверкнула сталь, окрасилась кровью. Крик прервался. Мешком осело мертвое тело, стукнулась об пол безвольная рука, разжался кулак.

– Значит, ты… – обагренный клинок уперся в грудь Ирту.

– И я, – Глеб смял в пальцах хлебный мякиш, поднялся рывком.

Какой смысл оттягиваться неминуемое?

Человек с костяным лицом смерил его взглядом. Согласился:

– И ты.

Глеб успокоился.

9

Их привели в просторный восьмиугольный зал, освещенный множеством факелов. Высокий потолок поддерживали деревянные колонны, истыканные метательными ножами и топорами, к колоннам прижимались соломенные, истерзанные дротиками и стрелами манекены. Возле одной из стен стояли узкие скамьи. На них – словно куры на насесте – тесно разместились Двуживущие – человек, наверное, тридцать. Справа от них, в затененной нише, наполовину завешенной черной бархатной шторой, поблескивал разнообразным оружием причудливый стеллаж.

К нему-то и подвели рабов.

– Выбирайте, чем будете сражаться, – сказал человек в маске. – Если выживете, можете идти на все четыре стороны.

Глеб, не торопясь, оглядел ряды оружия. Боевые топоры его не заинтересовали, молоты показались слишком тяжелыми, изящные шпаги, напротив, выглядели несерьезно. Ме-

чи…

Круглолицый рябой здоровяк взялся за рукоять прямого меча, вытянул его из стеллажа, осмотрел широкий клинок, со знанием дела попробовал остроту лезвия на ногте большого пальца. И глянул в сторону молчаливых Двуживущих – затравленно глянул и нерешительно.

Кем он был раньше? Мясником? Резчиком скотины?..

Пожилой крестьянин выбрал короткую секиру – наверное, вспомнил, как колол топором дрова.

– Что посоветуешь? – шепнул Ирт и тронул Глеба за плечо.

– Бери, что покажется привычным, – ответил Глеб и взялся за древко копья.

– Тогда я выберу молоток, – решил Ирт. – Когда-то я работал в кузне.

– Это клевец, – сказал Глеб. – Возьми лучше соседний, у него рукоять длиннее.

Копье себе Глеб выбрал хорошее – средней длины, не легкое и не тяжелое, с наконечником в форме тополиного листа, с тремя остро отточенными полосами-лезвиями на верхнем конце древка – чтобы враг не мог за него схватиться, с трехгранным шипом-подтоком на пятке копья. Так и хотелось перехватить оружие, закрутить, рассечь воздух, заставить его петь… Но Глеб не собирался показывать свое боевое умение. Пусть это окажется сюрпризом для врагов.

Он ведь когда-то учился…

Учился много раз, во множестве жизней…

Глеб нахмурился: снова это странное чувство. Обрубки воспоминаний. Неясная тревога.

Нет, не время сейчас заниматься самокопанием.

Нужно сосредоточиться…

Он крепко стиснул древко, сжал обеими руками, выставил копье перед собой, держа его нарочито неумело, жестко. Посмотрел на Двуживущих, перехватил их взгляды, отвел глаза.

Они что, все сразу нападут? Или небольшой группой? Или только один из них выйдет против четверки крестьян-неумех, а остальные будут смотреть, болеть за товарища, подбадривать его криками?

– Готовы? – почему-то к нему одному обратился человек в маске. И Глеб механически кивнул, развернул плечи, вскинул голову. Он решительно вышел в центр зала и повернулся лицом к людям на скамейках.

Пускай потом гадают, кто он такой. Наверное, решат, что он охотник или отставной солдат-наемник.

Пусть думают, что хотят, вспоминая свою смерть, оправдывая свое поражение.

Пусть…

Глеб усмехнулся, вспомнив, как расправился с тремя упырями. Первому вырвал глаза, свернул шею и сломал позвоночник. Второго насадил на подхваченный с земли кол, пригвоздил к земле. А третьему вывернул руку, сбил с ног, а по-

том размозжил его уродливую шипящую голову о шершавый серый камень, вросший в землю.

Он мало что понимал тогда, он был как пьяный. Но ведь и силы нашлись, и реакция не подвела – впрочем, после схватки он почувствовал себя опустошенным, выжатым, измочаленным. Едва не упал, привалился к дереву – голова гудела, и перед глазами все плыло.

Но теперь он почти в полном порядке.

Теперь у него есть оружие.

И даже союзники…

Ирт с боевым молотом в руках встал справа от него. Рябой здоровяк с мечом и пожилой крестьянин с секирой держались чуть позади. Кажется, они были знакомы. А может, просто договорились прикрывать друг друга.

– Варвар! – выкрикнул имя человек в маске. – Сегодня ты первый!

Со скамьи поднялся мускулистый Двуживущий. Из одежды на нем были одни кожаные штаны. Голый торс пестрел цветными татуировками, длинные волосы были заплетены в тонкие косы, железный обруч охватывал правую щиколотку – амулет, который можно снять лишь отрубив ступню.

– Скольких мы должны победить, чтобы выйти на свободу? – негромко спросил Глеб.

– Всех, – ответил человек в маске.

– Хорошо, – сказал Глеб. – Тебя тоже?

Он не услышал ответа, потому что Варвар, зарычав, ри-

нулся вперед. Песок и опилки полетели из-под его ног, словно из-под колес буксующего автомобиля. Взвизгнул рассеченный клинком воздух.

Ирт невольно отступил на шаг. Попятились рябой здоровяк и пожилой крестьянин.

Глеб не двинулся с места.

Варвар взревел, занося меч для сокрушительного удара, прыгнул на неподвижного, должно быть, обмершего от страха Одноживущего. И увидел, как стремительно взвилось копье, устремилось ему навстречу, и уже не отвернуть, не уклониться, не отбить смертельный выпад.

Глеб вдруг вспомнил, как звали молодого гоблина, что когда-то учил его обращаться с копьем, выкрикнул:

– Уот! – короткое имя прозвучало словно боевой клич.

Острый наконечник вонзился в бок здоровяку, пробил кожу и мышцы, разорвал печень.

Глеб отшатнулся, выдернул копье, не позволяя ему застрять в теле врага, длинным скользящим шагом ушел в сторону.

Мертвое тело рухнуло на арену. Потемнели опилки с песком, напитавшись горячей кровью, потемнели и лица Двуживущих.

Глеб застыл, неловко опершись на копье, с притворным изумлением глядя на труп врага.

Путь думают, что это случайность.

Пусть видят, что Одноживущий и сам испугался своего

деяния, удивился своему везению.

– Пиранья! – рявкнул человек в маске, и со скамьи скатился невысокий круглый человечек с длинным кинжалом в каждой руке, в крепких сандалиях, на мысках и пятках которых сверкали отточенные лезвия, с шипастыми браслетами на запястьях. Двигался он быстро, текуче, обманчиво – делал вид, что сейчас бросится вправо, а кидался влево, показывал, что отступит, и наскакивал.

– Посторонитесь, – сказал Глеб своим невольным соратникам. И те послушно расступились, отошли.

Копью нужен простор.

Копье на просторе начинает танцевать.

– Истукан! – прокричал человек в маске смерти. – Бабочка!

Еще два человека сорвались со скамьи.

«Ах вот как, – зло ощерился Глеб. – Дошло, наконец, что не на того нарвались. Увидели…»

Три человека наступали, прощупывали его оборону, примерялись к его манере боя, к его вязкому танцу. Они пытались окружить, обойти его, но Глеб не позволял – оттеснял, угрожал, манил и лавировал. Он держал их перед собой, в одной линии. И они, сам того не замечая, подчинялись ему.

Коротышка с двумя кинжалами. Могучий гигант с железной палицей. И длинноногая большеглазая девушка, вооруженная широкой изогнутой саблей-ятаганом, в льняной майке и в кожаных шортах.

Глеб знал, что убьет их всех.

И хотел сделать это одновременно.

Улучив мгновение, он бросил взгляд на Одноживущих. Те совсем растерялись, опустили оружие, прижались спинами к одной из колонн, словно надеялись спрятаться в ряду соломенных чучел. Они во все глаза смотрели на Глеба и трех его противников.

– Рыбак! Чертенок! – выкрикнул человек в маске, и еще две фигуры вышли на арену.

Гладиатор с сетью и трезубцем, и чернокожий парнишка с изящной алебардой.

Глеб вновь оскалился. Неужели учитель засомневался в своих учениках? Или просто решил не рисковать понапрасну? Может, деньги еще с них не получил? Мертвецы за учебу не заплатят.

– Почему бы тебе самому не попробовать? – крикнул Глеб, на миг повернувшись к человеку в маске.

Тот никак не отреагировал. Скрестив руки на груди, расставив ноги, он стоял возле наполовину зашторенной ниши, в паре шагов от оружейных стеллажей, и внимательно следил за ходом поединка.

Он видел, что купленный за бесценок раб сражается, словно Двуживущий мастер. И недоумевал, как такое возможно.

– Самурай!

Желтолицый воин поднялся со скамьи, склонил голову, вытащил из ножен меч-катану.

– Бульдог!

Патлатый, заросший боец, больше похожий на оборотня, чем на человека, подхватил с пола небольшой щит и короткий меч-гладиус, и, рыча, прыгнул вперед…

Семеро против одного.

Невиданное дело.

Что скажут об Ордене, если эта история выйдет наружу? Если отсюда выйдет этот странный Одноживущий?

Выйдет победителем…

Белая маска чуть качнулась.

Невозможно! Недопустимо!..

Глебу приходилось несладко. Противники все же окружили его, и теперь непрерывно атаковали – не все сразу, чтоб не мешать друг другу, а по-двое, по-трое – но одновременно и с разных сторон.

Копье стегало воздух, кружилось, выписывало замысловатые петли, отражая выпады, удерживая врагов на дистанции. Глеб ни мгновения не стоял на месте, ноги его выделывали причудливые па, корпус раскачивался, скручивался, выпрямлялся пружиной, руки словно плели кокон – невидимый, эластичный и непроницаемый. И метался взгляд, прямой, словно копье, но еще более быстрый и острый.

Глеб уставал.

Но и противники теряли силы.

Первым упал Чертенок. Упал, накрыв собой алебарду, залив ее собственной кровью.

Через миг выронил катану смертельно раненный Самурай, скорчился, держа в охапке свои потроха.

Длинноногая Бабочка запнулась о тело, чуть замешкалась, и Глеб коротким точным ударом лишил ее правого глаза.

Бульдог взвизгнул, словно щенок, когда наконечник копья взрезал ему бедро. И заскулил, глядя, как кровь тугой струей наполняет круглую чашу перевернутого щита, слабеющими пальцами стараясь пережать вспоротую артерию.

Могучий Истукан покачнулся, потеряв опору, – древко копья подсекло ногу, резануло длинными ножами по икре. Он повалился вперед и напоролся грудью на острую сталь наконечника.

А потом Рыбак взмахнул сетью, и сам удивился, зацепив-таки руку Глеба; завопил радостно, торопливо ткнул трезубцем пойманного врага.

Промахнулся.

Глеб уклонился, дернулся, спеша высвободиться, стараясь не запутаться еще больше.

Дико взревел почуявший близость победы Пиранья, оскалил подточенные треугольные зубы, бросился на попавшего в сеть опасного противника, плечом отбил неловкий выпад копья, полоснул кинжалами, ткнул врага в живот, в грудь, в шею, отскочил, кривя губы, уверенный, что сейчас противник рухнет на колени – раны хоть и неглубокие, но болезненные, удары хоть и не сильные, но точные.

Кровь проступила на грязной рубахе.

Расползлась вспоротая ткань.

Глеб опять рванулся, чувствуя, как нити крепкой сети срезают кожу. Длинная рубаха лопнула, развалились окончательно.

Трезубец скользнул по голому плечу, оставив багровую, разом вспухшую полосу.

Двумя смертоносными винтами закрутились кинжалы в руках Пираньи.

Глеб задергался, затрепыхался, начиная понимать, что из сети ему уже не вырваться, догадываясь, что на этот раз он может проиграть. Может погибнуть…

Навсегда.

Навсегда?..

Невероятная догадка парализовала его. Страшное предположение оглушило сильнее любой палицы.

А что, если эти люди не ошиблись? Что, если он действительно Одноживущий?

Глеб зарычал, забился исступленно, бешено, не обращая внимания на боль, на раны, на кровь. Закружился, заметался, сам не заметил, как вырвал сеть из рук Рыбака, налетел на Пиранью, сбил его на землю – и, будто слепец, проскочил мимо. Он не видел, как машет руками человек в маске смерти, не слышал, как выкликает он имена, и как поднимаются со скамеек испуганные Двуживущие, крадутся, нерешительно переглядываются…

А потом кто-то крикнул:

– Богоборец!

И Двуживущие попятились, а человек в костяной маске поперхнулся.

– Богоборец! – повторился радостный крик. – Это же он! Он!

Три фигуры отделились от колонны – казалось, ожили соломенные манекены.

– Богоборец! – возликовали три голоса.

Глеб покачнулся, теряя равновесие. Но три человека подхватили его, удержали, подперли с боков, прикрыли собой.

Ирт с боевым молотом, крестьянин с секирой и круглолицый здоровяк с мечом.

– Богоборец с нами!

Ноги Глеба подломились, и он осел на арену, не выпуская из рук копье, но понимая, что уже ничего не сможет сделать, даже если сейчас к его шее поднесут тупой нож и начнут медленно перепиливать горло.

Глеб закрыл глаза, ожидая смерти.

И провалился в черное беспамятство.

Глава 2

Конечно, Танк мог бы заранее прийти к указанному месту, чтоб установить там микро-камеру, прикрепить под скамьей диктофон. Но зачем?

Ведь камеру можно принести с собой.

На себе.

И можно устроить трансляцию прямо в сеть. На сервер, общий доступ к которому откроется через три часа. Если хозяин не даст о себе знать…

– Подозреваю, что вы записываете наш разговор, – это были первые слова человека в ярко-желтой футболке с синей цифрой 5 на груди.

– Своего рода страховка, – пожал плечами Танк, тоже решив обойтись без приветствий.

– Понимаю… Вам нечего бояться.

– Я не боюсь. Я остерегаюсь… – Танк демонстративно поскреб пальцами подмышечную кобуру, поддернул джинсы, сел на скамью, скрестил ноги. – Так что у вас за дело?

– Конфидециальное… Может, все-таки, выключите запись?

– На этот счет не волнуйтесь. Тайны клиентов я храню свято, вы должны это знать, если уж вышли на меня.

– Мы знаем… – Человек в желтой футболке просительно улыбнулся. – И все же…

– Как пожелаете, – Танк привстал, легонько щелкнул ногтем по пряжке ремня – сделал вид, что выключил аппаратуру. Старый отработанный трюк, примитивный, но действенный.

– Хорошо, – удовлетворенно кивнул человек в желтой футболке. – Теперь перейдем к делу. Каким именем из четырех мне вас называть?

– О! – восхитился Танк. – Вы и это знаете? Давайте обойдемся вообще без имен. Пусть я буду Танком.

– А вы можете называть меня Посланцем. Я представляю корпорацию, о которой вы не могли не слышать. У нас возникли некоторые… гм… проблемы, и мы хотели бы воспользоваться вашими услугами.

– Должен предупредить, что я не занимаюсь ничем противозаконным.

– Мы знаем. Пять лет за вами не числится ничего… эээ… противоправного. Разве только несколько мелких… шалостей… О которых никто не знает. Вернее, никто не должен знать.

– Кто вы такие? – нахмурился Танк.

– Не торопите события, – человек в желтой футболке взмахнул рукой, и в его пальцах появился маленький белый прямоугольник. – Скоро узнаете все, что возможно. Но сейчас нам нужно принципиальное ваше согласие, Танк.

– Тогда несколько вопросов, Посланец.

– Конечно.

– Деньги?

– Не вопрос. Повышайте в два раза свой обычный гонорар.

– Риск?

– Никакого риска. Все законно. Ни вашей жизни, ни здоровью, ни благополучию ничто угрожать не будет.

– Обязательства?

– Никаких. Если сделаете дело – получите большие деньги. Если ничего не выйдет – мы оплатим ваше потраченное время и мирно разойдемся.

– Так в чем подвох? Что за мышеловка спряталась за этим гигантским куском сыра?

– Никакого подвоха. Нам рекомендовали вас как уникального профессионала, и мы решили вас нанять. – Человек в желтой футболке протянул Танку кусочек картона. Танк взял его, думая, что это обычная визитка.

– Здесь адрес сервера, – сказал Посланец. – Пароль для входа и ключи для доступа к закодированным разделам… Ну так что, вы беретесь за эту работу?

Танк помедлил. Спросил, осторожничая:

– Если мне что-то не понравится, я смогу выйти из игры?

– Да, – улыбнулся человек в ослепительно-желтой майке. – Из игры вы можете выйти в любой момент.

– Хорошо, – сказал Танк. – Я нанят.

– Рад слышать, – сказал человек в желтой майке и поднялся. – Через сутки карточка распадется. Так что поспешите… – Он не стал прощаться, отвернулся, словно поте-

ряв всякий интерес к собеседнику, и шагнул на асфальтовую дорожку.

– Погодите, – сказал ему в спину Танк. – А зачем мы вообще встречались? Можно же было все решить через сеть.

– Считайте, что я просто хотел посмотреть на легенду, – не оборачиваясь, сказал Посланник.

Через минуту его желтая майка скрылась за деревьями.

А Танк еще долго сидел, крутил в пальцах картонный прямоугольник с написанными от руки буквами и цифрами, и слушал, как щебечут в кронах птицы, как ветер перебирает листву, а за кустами шиповника, за высокими бетонными берегами шумит автомобильная река.

Он сам не заметил, как задремал, а очнувшись, вдруг понял, что совершенно не помнит, как выглядел тот человек.

В памяти осталась лишь ярко-желтая футболка с цифрой 5 на груди.

И коричневые стекла очков в золотой оправе.

1

Он был жив.

В голове звонко стучали молоточки, скрежеща, вращались крохотные шестеренки, и медленно раскручивалась тугая пружина, своими стальными витками распирающая череп.

– Кто я? – прошептал Глеб и открыл глаза.

Три лица склонились над ним. Три пары глаз смотрели на него.

А потолок был так высоко, что кружилась голова.

– Что произошло? – спросил Глеб, стараясь не замечать боль.

– Они сбежали, – ответил Ирт. – Решили не связываться. Ушли вон в ту дверь, и больше не показывались.

– Почему? – Глеб застонал, приподнялся на локте, осмотрел себя. Вспомнил схватку, и то, как острозубый Пиранья орудовал кинжалами.

– Ты – Богоборец. Человек в маске тоже узнал тебя. И увел учеников.

– Какой Богоборец? О чем ты? – Непонимание породило злость; злость, смешавшись со скопившимся страхом, превратилась в бешенство. – Что за ерунда?! Что тут творится?!

– Ты – отмеченный, – с достоинством сказал Ирт и отодвинулся. – Ты – Богоборец, Амнезия.

Глеб заскрежетал зубами.

– На твоей спине – Знак, – сказал пожилой крестьянин.

– Мы думали, это просто легенда, – добавил рябой здоровяк.

Глеб выругался и зажмурился.

Он не хотел ничего видеть. И не хотел ничего знать.

Он боялся.

Боялся, что невозможное окажется правдой.

– Кто я? – прошептал он.

– Ты – неуязвим для оружия и магии. Ты – быстр, как щегол, силен, словно буйвол, верток, будто змея. Ты умеешь биться любым оружием, и можешь драться голыми руками. Говорят, это ты дал богу его силу, а потом убил его.

Глеб ладонями зажал уши.

Но настырные молоточки отбивали ритм, а свернувшаяся змеей пружина вращала шестеренки памяти. И они цеплялись друг за друга, и проворачивались, проворачивались, проворачивались…

Глеб помнил дом. Свою квартиру – большую, трехкомнатную. И еще одну, другую – маленькую, темную, запущенную. Он помнил двор, вид из окон, березу, растущую у подъезда, кусты возле гаражей, где подростки вечерами распивали спиртное, теплотрассу, на которой любили спать бродячие собаки. Он помнил день операции. Была весна, с крыш сбрасывали снег, с карнизов сбивали сосульки, а он шел по улице мимо трепыхающихся флажков ограждения и думал… О чем он тогда думал?.. А у хирурга дрожали руки, а потом бабушка-сиделка баюкала, напевала что-то, и голове работал целый завод, что-то щелкало, гремело, стучало…

Нейроконтактер.

Дыра в голове. Зубастая гребенка контактов, запустившая щупальца в мозг, укоренившаяся в нем.

Мост в виртуальный мир…

Глеб не мог вспомнить, когда в последний раз он подключался к сети.

Нет, он помнил подключения, но все они были одинаково близки. Вернее, одинаково далеки. Какое из них было последним – он не мог определить.

Его память сделалась плоской. В его воспоминаниях не было времени. На них остались лишь отметки – словно даты в углах фотографий.

Да и сами события уподобились фотографиям – кусочки прошлых жизней, выхваченные вспышкой, пойманные объективом.

– Что со мной?

Вся жизнь – череда фотографий.

А между ними – зияющая пустота. Затягивающая. Гулкая. Гипнотическая.

– Что произошло? – Глеб схватил Ирта за грудки, дернул на себя: – Что со мной произошло? Вы можете объяснить? Вы знаете?

– Ты существуешь, – сказал Ирт. Кажется, он сам не мог в это поверить.

2

Они решили здесь не задерживаться.

Но перед там, как уйти, они освободили всех узников.

Орудуя боевым молотом, сея искры, Глеб разбил замок, вырвал скобы засова, ударом ноги распахнул дверь с маленьким зарешеченным оконцем в центре, крикнул:

– Выходите!

Десятки пар глаз испуганно смотрели на него. Скорченные фигуры жались к стенам и друг к другу, медленно отползали в тень.

– Вы свободны, – сказал Глеб. Но люди не поняли, не поверили ему. И лишь когда в проеме показался Ирт, когда он, широко улыбаясь, повторил слова Глеба, заключенные рабы ожили, задвигались, зашумели – все громче, все радостней.

Глеб вывел освобожденных людей на восьмиугольную арену, поднял руки, призывая к тишине, требуя внимания. Когда шум унялся, когда все лица повернулись к нему, он указал на нишу, где стояли оружейные стеллажи и велел вооружиться.

Он подозревал, что Двуживущие вернутся. И, возможно, это будут не ученики, а учителя. Люди в костяных масках, мастера Ордена Смерти.

Ирт, кажется, верил, что могучий Богоборец способен справиться с любыми противниками. Глеб был настроен куда более скептически. Ведь кинжалы Пираньи оставили на нам болезненные отметины…

Выход они нашли не сразу. Одинаковые коридоры никуда не вели, неотличимые двери открывались в небольшие комнаты, больше похожие на монашеские кельи. В каждой стояли двухъярусные нары, грубо сколоченный стол и два стула. В каждой крохотное окно было занавешено багряным флагом с черепом, нарисованным желтой краской. В одной из

комнат оказался человек. Наверное, он ничего не знал, возможно, спал, но топот множества ног разбудил его. И Глеб едва не напоролся на клинок, когда приоткрыл дверь и сунул факел во тьму тесного помещения.

Удар был слабый, Глеб отразил его древком копья, шагнул через порог, плечом сшиб Двуживущего, но добивать не стал, лишь наступил на руку, держащую меч, смял кулак, раздавил пальцы. И спросил, глядя на занавеску с черепом, помахивая гудящим факелом:

– Где выход?

По стенам коридора ползали тени, вооруженные рабы теснились у двери, заглядывали в комнату, но войти не решались.

– Где здесь выход? – повторил Глеб.

– Направо, – простонал Двуживущий, даже не пытаясь вырваться. – В семи шагах. За поворотом.

– Спасибо, – сказал Глеб и бросил факел на застеленные нары…

Двуживущий не соврал.

На улице была ночь, теплая, словно летнее море, черная, словно закопченное стекло. Дурманяще пахло травой, стрекотали цикады, где-то неподалеку журчала вода.

А впереди горели факелы.

И за ними смутно белели пятна страшных неподвижных лиц.

3

– Теперь бегите, – тихо сказал Глеб.

– Что? – Ирт стоял рядом, и не мог не услышать.

– Бегите, – повторил Глеб чуть громче.

– Нет, Богоборец, – покачал головой Ирт. – Мы не оставим тебя.

– Я побегу тоже.

Из открытой двери потянуло дымом. Высветилось маленькое окошко в семи шагах от толпы вооруженных рабов.

В деревянном здании Ордена Смерти разгорался пожар.

– Ты зря пришел сюда, Богоборец, – прокричали из тьмы.

– Я здесь оказался случайно, – крикнул Глеб.

– Случайно? Второй раз?

– Я впервые здесь.

– Видно, память тебя подводит.

– Возможно, – Глеб стиснул древко, оглянулся.

Рабы выполнили его короткие команды, погасили и выбросили факелы, рассредоточились, присели, опустили оружие к земле, спрятали сталь в траве. Тьма укрыла толпу, но надолго ли?

Со звоном лопнуло стекло. Из оконного проема вырвался лепесток рыжего пламени.

– Пришло время поквитаться, Богоборец, – объявил голос.

– Чем же я вам насолил?

Ответа не последовало, а Глеб так на него рассчитывал. Он надеялся, что эти Двуживущие как-то подтолкнут его память, помогут вспомнить то, о чем он забыл, хоть чуть-чуть прояснят, кто он такой, что с ним случилось.

– Давайте поговорим по-человечески, – крикнул Глеб, борясь с искушением отшвырнуть копье, поднять руки и шагнуть к линии факелов, к людям – настоящим людям! – спрятавшим лица за масками. – Я просто хочу разобраться…

Осветился дверной проем, порозовел текущий на крыльцо дым.

– Слышите?! Я никакой не Богоборец, меня зовут Глеб, я Двуживущий. Я простой игрок, как и вы. Но что-то произошло, и я не вполне понимаю, что именно. Я лишь хочу узнать кое-что… Слышите меня?

– Ты идиот, Богоборец! Запрограммированный болван! Надеешься нас провести? Тогда выдумай что-нибудь новенькое! Выдумай, если сумеешь!..

Отчаяние захлестнуло Глеба. Эти люди могли знать нечто важное. Эти люди могли помочь. Но он не мог выйти к ним, не мог с ними переговорить. Они собирались его убить, поквитаться за что-то, о чем он не помнил.

И, похоже, они не сомневались, что он Одноживущий…

Там, за линией факелов что-то тихо заскрипело. Глеб насторожился, нахмурился.

Он знал этот опасный звук, помнил его…

– Луки! – понял он и распластался в траве. – Все на землю!

Свет факелов на миг чуть померк, а потом сделался ярче, чем был, и Глеб догадался, что это значит: лучники поднесли к факелам оголовки зажигательных стрел, и просмоленная пакля на них вспыхнула.

– Уходите! – крикнул он рабам. – Отползайте и разбегайтесь!

Тихие щелчки освобожденных тетив – и огненные росчерки прошили ночь, прогудели над головой, ударили в бревенчатую стену, вонзились в землю, разбрызгивая горячие алые капли.

Кто-то закричал.

Глеб повернул голову.

Один из рабов тянул засевшую в боку стрелу, схватившись за полыхающую паклю. А огонь уже перекинулся на его одежду, огонь пожирал плотную ткань и пробовал на вкус человеческую кожу.

Вновь зловеще скрипнули выгибаемые луки. И снова весело подмигнули далекие факелы.

Ухнуло пламя, вырвавшись из разбитого окна.

Сорвались стрелы.

– Бежим! – во весь голос крикнул Глеб, вскочил, дернул кого-то, поднимая, о кого-то запнулся, через кого-то перепрыгнул: – Бежим! – Он увидел, как люди зашевелились, крикнул им, чтобы они поторапливались. И помчался во тьму, не слыша, но чувствуя, угадывая, как снова скрипят

поспешно натягиваемые луки.

Он пытался убедить себя, что не отвечает за этих людей.

Он спасался сам, и не был обязан спасать их…

Загоралась трава – огненные лужи медленно растекались, и ночь отступала от них. Затлела дранка на крыше – окрепший ветер вмиг раздул пламя, взвил искры, рассеял их среди звезд.

Глеб мчался прочь от огня. Бежал в спасительную тьму.

Кто-то увязался следом – топал, сопел, задыхался.

А вокруг кричали люди – одни азартно, словно загоняющие зверя охотники, другие дико – будто раненные животные. Среди пламени, в искрах и дыму метались тени, огненные стрелы беспорядочно полосовали тьму, поблескивало оружие – алое от крови и огня.

«Здесь каждый сам за себя, – мысленно разговаривал с совестью Глеб. – И я ничего не могу сделать. Теперь каждый сам за себя…»

Какая-то фигура встала на пути – враг, потому что друзья остались за спиной.

«Не друзья, – поспешно поправил себя Глеб. – Просто люди, попавшие в одну обойму, в один переплет. И даже не люди. Одноживущие.»

Он махнул копьем, вышиб клинок из руки противника, ударил врага обратной стороной древка, проскочил мимо. И налетел на дерево.

Деревьев было много.

Они прятались во тьме, но ветер шумел в кронах, а под ногами мягко пружинила старая листва, и Глеб понял, что оказался на опушке леса.

Ушел…

Он обернулся.

Рыжее пламя рвалось в небо, красный дым стелился по земле, черные силуэты двигались на фоне огня, и даже отсюда Глеб видел, что лица этих людей закрыты костяными масками.

Он не сомневался, что это Орден Смерти ищет его тело.

– А вот хрен вам, – сказал он по-русски, воткнул копье в землю и присел на подвернувшуюся корягу.

Организуют ли они погоню, когда убедятся, что среди мертвых его нет?

В любом случае, маленькую передышку можно позволить. Чуть отдохнуть, а потом – уносить ноги…

Или?..

Спрятаться, затаиться, проследить за этими людьми. Потом захватить одного из них. Взять «языка». И допросить с пристрастием.

– Не двигайся! – приказал вдруг кто-то, и Глеб вздрогнул.

– Подними руки, раб, – распорядился голос. – Медленно встань, сделай шаг в сторону и повернись.

Позади что-то треснуло – словно камень о железо ударился, – короткая холодная вспышка ожалила тьму. А через секунду пылающий комок просмоленной пакли упал Глебу под

ноги.

– Ты как на ладони, раб. А у меня в руках взведенный арбалет. Делай, что я сказал!

Глеб поднял руки, привстал.

– Замри! – голос изменился. Теперь в нем слышались нотки торжества и опаски. – Так это ты, Богоборец!

Глеб покосился на копье.

Схватить, упасть, кувыркнуться через плечо, уйти в тень.

Сможет ли он опередить палец на курке?

Ничтожное легкое движение – и тяжелый болт сорвется с отполированного ложа.

Что-то чуть слышно хрустнуло, и Глеб невольно зажмурился, ожидая мгновенной смерти.

Он ощутил толчок в спину, почувствовал, как входит меж лопаток короткая стальная стрела, ломает позвоночник, пробивает грудь. И кровь наполняет легкие, горло, рот…

Но это было лишь его воображение.

Арбалет не разрядился.

Хруст повторился – громче, отчетливей. В тот же миг раздался глухой удар, треск, шум падения. И новый – знакомый – голос спокойно сказал:

– Ты быстро бегаешь, Богоборец.

– Ирт? – Глеб осторожно повернулся. – Ирт, это ты?

– Я…

Одноживущий раб стоял, опустив к земле тяжелый молот-клевец на длинной рукояти. У его ног бесформенной

грудой лежал мертвый арбалетчик. А вокруг кольцом сомкнулась плотная тьма, и покачивающиеся черные ветки казались ее щупальцами.

– Когда-то я работал в кузне, – равнодушно сказал Ирт и вскинул боевой молот на плечо.

4

Было тихо. Близилось утро, воздух насытился влагой, и ночь стала серой, словно сажа на остывшем пожарище.

– Я работал в кузне, был молотобойцем, – негромко рассказывал Ирт. – Я много где работал, ведь я попал в рабство, когда мне было десять лет.

– Как это случилось?

– Обычная история… Гоблины разорили нашу деревню, я остался без дома и семьи, пошел батрачить к двоюродному дяде, потом он передал меня своему знакомому, а уж потом тот продал меня за два мешка зерна забредшему в наши края торгашу.

– Обычная, говоришь, история… – Глеб покачал головой. – Раньше я не часто встречал рабов. А теперь сам ехал в невольничьем обозе…

Они ушли глубоко в лес, забрели в самую чащобу, в самый бурелом, нашли место, где поваленные деревья образовали подобие берлоги и залезли внутрь. У Ирта было огниво, которое он забрал у мертвого арбалетчика; надрав сухой бе-

ресты, растерев ее в ладонях, беглый раб развел крохотный костерок. Потом он сходил за водой к недалекому ручью, по пути нарвал травы-кислицы и ягодного мха – и теперь в мятой латунной кружке клокотал травяной чай.

– Расскажи о Богоборце, – попросил Глеб.

– О тебе?

– Обо мне.

– Я мало что знаю, – смущенно сказал Ирт. – И, наверное, из того, что я знаю, половина – глупые россказни.

– Все равно расскажи.

Ирт помолчал, глядя на бурлящую грязную воду, помешал варево осиновой щепкой, облизал ее. Сказал:

– Богоборец прислан творцами… – и вновь надолго замолчал.

Глеб смотрел в огонь, ждал продолжения.

– Богоборец не бог, но и не человек… – Ирт, прихватив кружку через рукав, вынул ее из огня, поставил на землю, потряс обожженной рукой. – Он думает, что он Двуживущий, но это не так. И Одноживущим он тоже не является. Он – Богоборец… Говорят, он создан, чтобы защитить нас, Одноживущих. Он пришел, чтобы отомстить Двуживущим за наши мучения. Говорят, что желание справедливости подняло его из земли. Говорят, что он сражается словно сотня воинов, что обычное оружие его не берет…

– Это неправда, – покачал головой Глеб. – Видишь раны? И кровь…

– Говорят, что Богоборец никогда не отступает, – сказал Ирт. – И это тоже неправда. Сегодня я видел, как он бежал.

– Так значит я – не он?

Ирт осторожно прихватил кружку, поднес ее к губам, подул, прихлебнул звучно. И ответил:

– Богоборец отмечен Знаком. Круглой печатью на коже. На спине. Меж лопаток… Я видел это Знак на тебе. Ты – Богоборец.

– Знак… – пробормотал Глеб, повернул голову, выгнулся, пытаясь разглядеть, что там за печать у него меж лопаток. – Как он выглядит?

– Круг, в который вписана звезда. Надпись на неизвестном языке. А в центре круга – закрытый глаз. Говорят, глаз этот иногда открывается, и тогда Богоборец может видеть все, что происходит позади него.

– Ерунда, – неуверенно сказал Глеб.

– Может быть, – пожал плечами Ирт. – Но еще вчера я сомневался, что Богоборец существует. А сегодня… – Он вновь хлебнул травяного чая и протянул Глебу кружку: – Попробуй. Бодрит.

– Не хочу…

Они одновременно подняли головы, напряглись – наверху что-то зашумело, завозилось. Посыпался вниз мелкий мусор – кора и хвоя; упала в костер шишка. Глеб приподнялся, держа в руках копье. Ирт отставил кружку, потянулся к боевому молоту.

– Должно быть птица, – прошептал Глеб.

– Или белка, – тихо сказал Ирт.

Какое-то время они ждали, не повторится ли шум. Потом перевели дыхание.

– Может хорь или ласка, – предположил Ирт.

Глеб все же взял закопченную горячую кружку, глотнул терпкий отвар. И действительно, ощутил прилив сил, почувствовал, как прояснилось сознание, – словно не чай это был, а магическое зелье.

– Ну как? – улыбнулся Ирт.

– Хорошо, – признал Глеб.

– Я много где работал, – довольно сказал Ирт. – И много чему научился…

5

Едва рассвело, они покинули ставшую уютной берлогу.

– Сперва хочу выяснить, что это за Орден Смерти такой, – поделился планами Глеб. – Может, эти люди расскажут, где и при каких обстоятельствах я с ними раньше встречался.

– Я с тобой, – сказал Ирт, затаптывая огонь.

– Зачем тебе это? Шел бы домой, ты ведь теперь свободен.

– У меня нет дома. И я уже никогда не смогу быть свободным.

– Почему? – удивился Глеб.

– Привык, – просто ответил Ирт: то ли пошутил, то ли

правду сказал…

Они преодолели завалы бурелома, вслух удивляясь тому, что прошли тут ночью и не переломали ноги. Вышли к небольшому болоту, пускающему вонючие пузыри, почувствовали, как колышется под ногами торфяная почва, увидели, как в такт шагам покачиваются чахлые пьяные березки, и поспешили свернуть в сторону, туда, где и земля была надежней, и березы здоровей.

Точной дороги они не знали, брели почти наугад.

А потом учуяли запах гари, повернулись лицом к ветру и ускорили шаг.

Наговорившись за ночь, сейчас они молчали. Глеб примерял на себя образ Богоборца, признавал, что такое создание может существовать в Игре, и все же решительно не понимал, при чем тут он.

Глеб пытался разобраться в себе, в своих новых ощущениях, в необычных чувствах. Он холодел при мысли, что с ним настоящим что-то случилось. Он думать боялся, что по какой-то причине застрял здесь – в виртуальном мире сетевой игры.

Если бы он был Одноживущим – то есть компьютерным персонажем, программой с зачатками искусственного интеллекта – разве смог бы он думать так, как думает сейчас? Нет. Наверняка нет. Одноживущие – всего лишь сложные модели, комплекс алгоритмов. Они не способны рассуждать, они лишь создают видимость этого.

А он разумен по-настоящему, по-человечески.

Значит это какая-то особенная амнезия? Скоро он заснет, вернется в реальный мир, и все будет нормально.

Или же, наоборот, проснется и осознает, что видел сон – плохой, дурной сон, но принадлежащий реальному миру…

Проблема заключалась в том, что ни заснуть, ни проснуться Глеб не мог. Всю ночь он щипал себя, стараясь делать это незаметно для Ирта. В очередной раз убедившись, что самоистязание ни к чему не приводит, он закрывал глаза, расслаблялся и отдавал себе мысленный приказ заснуть. После этого он должен был очнуться в реальности, в своем настоящем теле, откинувшемся на спинку кресла, перед компьютером, с кабелем, подключенным к нейроконтактеру на виске…

Так должно было быть, потому что так было всегда.

Но ничего не происходило. Ничего не менялось.

Глеб не мог ни заснуть, ни проснуться.

Он увяз в игре.

Застрял в Матрице…

В детстве этот старый фантастический фильм произвел на Глеба странное впечатление. Бывало, он воображал, что реальности не существует, есть лишь ее тень, ее отражение, ее слепок в мозгу. Может быть, в мозгу каждого человека. А может, лишь одного.

Целый мир в одной голове – в его голове. Это щекотало нервы. Это будило воображение. И пугало.

Потом он забыл эти глупости.

А вот теперь проклятый фильм вспомнился, и страшные мысли снова полезли в голову.

Что, если ничего не было? Что, если его воспоминания – ложь? Его прошлое – фантом. И его разум, его восприятие, его мысли.

Что если его самого никогда не существовало?..

Глеб с размаху вонзил копье в трухлявый пень и расколол его; ударив босой ногой, развалил на куски.

Рыжие муравьи облепили останки своего разоренного небоскреба, и Глеб, глядя на копошащихся насекомых, ощутил себя Годзиллой – вот еще один старый фильм.

Он сел на корточки, оперся руками о землю, склонился к муравейнику, почти коснулся его кончиком носа.

Он пристально, напрягая глаза, разглядывал кишащих насекомых. И видел, что никакие это не муравьи, а невразумительные крохотные членистые цилиндрики на тоненьких палочках-ножках, с черными точками глаз, нарисованными на тупом подобии головы.

Не муравьи, а имитация. Крохотные виртуальные роботы, самодвижущиеся модели. Возможно, какой-нибудь студент по заказу корпорации разработал схему их поведения, написал программу, оформил ее как типовой модуль. И теперь эти рыжие крохи расселились по множеству виртуальных миров, а студент приводит друзей в игру и показывает – вот, этих муравьев сделал я…

Глеб выпрямился, перехватил недоумевающий взгляд Ирта, подумал – а кто сделал тебя?

И поспешил отогнать зябкую мысль – а тебя-то самого, Богоборец, кто сделал? А?..

6

Примерно через полчаса они оказались на опушке леса и увидели в отдалении дымящиеся развалины.

Никакого движения вокруг пожарища заметно не было, но Глеб и Ирт выходить на открытое месте не спешили. Они присели на поваленную осину, собираясь как следует осмотреться.

– Где все люди, как думаешь? – спросил Глеб, не рассчитывая на ответ.

– В селении, – уверенно ответил Ирт.

– В каком?

– Через которое нас провели. Небольшая такая глухая деревенька, где обосновался Орден Смерти, предварительно вырезав всех жителей.

– Почему ты раньше ничего не сказал?

– Но ты же не спрашивал.

– Дорогу туда знаешь?

– Как вели, помню. Так что, наверное, найду.

– Но нам надо остаться незамеченными, – напомнил Глеб, не особо надеясь на разум Одноживущего.

– Это понятно, – кивнул Ирт. – Там большая часть дороги через лес идет, так что, думаю, прокрадемся…

Они выждали еще немного, давая возможность затаившимся людям обнаружить себя, а потом вышли из леса. Двигались они быстро, перебежками; осторожничали – останавливались на несколько секунд, присаживались, прячась в траве или за кустами, осматривались – и вновь устремлялись вперед.

На затянутом легкой дымкой лугу в росистой траве валялись тела Одноживущих рабов. Похоже, сбежать удалось немногим. Возле трупов прыгали отяжелевшие вороны, каркали хрипло. Они совсем не боялись пробегающих мимо людей, словно понимая, что тем сейчас не до них.

Глебу чудилось, что Ирт укоряюще на него поглядывает. Хотелось оправдываться, хотелось объяснять, что ничего поделать было нельзя, стрелы летели из темноты, врагов не было видно, они были недосягаемы, единственная возможность спастись заключалась в бегстве, а рабы все равно были обречены – так или иначе они бы все погибли на арене.

– Мы отомстим, – сказал Глеб. И вдруг подумал, что потеря памяти может быть связана с Епископом. Заклятый враг, возмечтавший стать богом, великий маг, каких не было в Мире, предатель, не останавливающийся ни перед чем на пути к власти, – возможно, он наложил какое-то заклятие, проклял своего преследователя, лишил его памяти, перемешал воспоминания, затуманил сознание, на какое-то время отнял

возможность возвращаться в реальный мир.

Было ли это в его силах? Позволяло ли устройство Мира подобную магию?

Возможно…

Глеб воспрял духом, почувствовал, как растворяется страх, до этого момента ни на миг его не отпускавший.

Надо найти Епископа! Проклятый колдун!..

Глеб сшиб копьем подвернувшийся куст чертополоха, втоптал его в землю, ощутил легкий укол в свод босой стопы. Он подумал, что надо во что-то обуться, сейчас же, немедленно, и подыскать подходящую одежду вместо порванных штанов и остатков рубахи на поясе, лучше даже не одежду, а доспехи, легкие, кожаные, а, может, кольчугу.

Он по-новому глянул на мертвецов. Вспомнил тех двоих, что встретились на опушке леса: первого он убил ударом копья в лицо, второму размозжил голову Ирт. Вряд ли это были члены Ордена Смерти, скорей всего обычные ученики, выставленные в окружение.

И, кажется, на них были неплохие сапоги и кожаные куртки.

Вернуться? Поискать на границе леса их тела? Или?..

– Посмотри сюда, Богоборец, – сказал Ирт, и Глеб обернулся.

Одноживущий стоял чуть в стороне, скорбно опустив голову, а вокруг него лежали шесть мертвых тел. И лежали они столь живописно, что казалось, будто кто-то специально раз-

ложил их, сформировал позы, не забыл даже о выражении лиц.

Глеб подошел ближе, окинул взглядом группу тел, и ясно представил все, что здесь происходило.

Это был бой. Короткий и яростный.

Пятерка вооруженных рабов окружила Двуживущего. Один из рабов был ранен – стрела пробила его плечо, и огонь опалил одежду. Очевидно, рабы залегли, едва начался обстрел. А когда Двуживущие воины разбрелись по лугу, добивая раненых и высматривая Богоборца, рабы притворились мертвыми. Но обман не удался, а может у кого-то не выдержали нервы, когда один из Двуживущих подошел совсем близко. Первым вскочил изможденный раб в одежде рыбака. За что и поплатился – меч Двуживущего снес ему голову. В тот же миг три копья ударили из травы, и лишь одно – самое тяжелое – попало в цель – Двуживущий был ранен в бедро. Он едва не упал, попытался обрубить древко, пробившее ногу, но лишь ухудшил свое положение – окованное древко не поддалось, кровь хлынула из растревоженной раны, боль на миг лишила человека сознания, и он осел, опустился на одно колено, коснулся земли рукой. Кое-как он отражал беспорядочные выпады двух копий, кричал, зовя подмогу, и не заметил, как навис над ним еще один Одноживущий, зашедший со спины, не увидел, как поднялся кривой ятаган, немного похожий на крестьянский серп, но почувствовал движение, развернулся резко… Серп-ятаган скольз-

нул по черепу, содрал кусок скальпа, оголил кость. Покачнулся Одноживущий раб, разрубленный почти пополам, зажал руками страшную рану, удерживая в себе меч. И два копья одновременно ужалили замешкавшегося воина – одно попало в шею, другое – в лицо. И налетели Двуживущие, люди в костяных масках, засверкали клинки…

– Они не бежали, – сказал Ирт, и снова Глебу почудилось, что Одноживущий его укоряет.

– Если бы побежали, то возможно были бы сейчас живы, – пробурчал Глеб и воткнул копье в землю. – Помоги-ка лучше его раздеть…

Они управились довольно быстро: стащили с мертвого Двуживущего сапоги, расстегнули ремни кожаной куртки, обшитой металлическими пластинками, сняли ее, приподняв тело, вывернув мертвецу руки.

Вокруг расселись вороны, и с каждой минутой их становилось все больше. Черные птицы с интересом следили, как одевается Глеб, и ничуть не боялись его резких движений. Возможно, они приняли человека за своего. А может их просто привлекало сверкание металлической чешуи.

– Кыш! – Глеб взмахнул рукой, и ему показалось, что в черных вороньих глазах блеснула усмешка.

Закончив облачаться, он поднялся, подхватил копье – и птицы отступили, словно не человека опасаясь, а его оружия.

– Ну как? – спросил Глеб.

– Знак не видно, – неуверенно сказал Ирт.

– Вот и хорошо… Давай, показывай дорогу…

7

Узкую лесную тропу дорогой можно было назвать лишь с большой натяжкой. По ней ходили, и довольно много, но ни копыта, ни колеса не оставили здесь следов. То и дело тропу перегораживали поваленные деревца, и это лишний раз доказывало, что путь этот для повозок не предназначен. Возможно, деревца эти упали не сами по себе. Вполне вероятно, им кто-то помог…

Глеб и Ирт шли через лес, держась от тропы на некотором расстоянии. Глеб подозревал, что дорога охраняется, и осторожничал: крался, стараясь не шуметь, прятался за стволами, внимательно осматривался, оружие держал наготове.

Ирт был более беспечен; он держался позади Глеба и потому чувствовал себя в безопасности. Помахивая молотом, он сшибал яркие шляпки мухоморов, на ходу срывал ягоды, бросал их в рот и с нескрываемым удовольствием следил за белками, скачущими по ветвям, за трескучими сороками, преследующими людей, за колобком солнца, катящимся в кронах деревьев.

Ирт наслаждался свободой.

– Дальше куда? – Глеб остановился, дождался отставшего напарника. – Здесь развилка.

Ирт выглянул из-за кустов, нахмурился, вспоминая. Мах-

нул рукой:

– Направо.

– Точно?

– Да. Уже недалеко осталось. Метров триста, наверное. Вон и просвет виден.

– В деревне охрана есть?

– Я не знаю. Там полно Двуживущих, а кто из них охрана, кто нет, поди разбери. Все же с оружием.

– И сколько там Двуживущих?

– Ну, изб там десятка два. В обычной избе – по две комнаты. Вот и считай.

– В комнате могут размещаться несколько человек.

– Ага, – согласился Ирт.

– Значит их там не меньше пятидесяти, – решил Глеб.

– А то и больше.

– Много, – сказал Глеб.

Ирт пожал плечами. Он искренне верил, что Богоборец, если как следует захочет, управится и с сотней Одноживущих. Даже если все они будут в костяных масках смерти.

– Подкрадемся ближе и осмотримся, – решил Глеб. – А ты больше не отставай. Держись в трех шагах позади меня и не шуми. И поглядывай по сторонам.

8

Деревня была обнесена частоколом, и раздосадованный

Глеб с укором глянул на Ирта.

«… ты же не спрашивал…»

Ограждение было не очень высокое, но его верх был утыкан острыми гвоздями, а по самому гребню была пущена бечева с колокольчиками. В ветреную погоду, наверное, от такой сигнализации проку было немного, но сейчас стояла тишь…

Ворота отсутствовали, лишь толстые поворотные жерди, словно шлагбаумы, загораживали въезды в деревню – с севера, запада и юго-востока. Наверняка, эти входы круглосуточно охранялись. А на ночь, наверное, их для пущей надежности перекрывали телегами – вон они, стоят на обочинах дорог, внутри частокола – колесные баррикады.

– Что бы ты сделал, если бы хотел туда попасть? – негромко спросил Глеб.

Ирт ответил почти сразу:

– Пустил бы ночью огонь, и попробовал бы прорваться в суматохе.

Глеб хмыкнул, отметив про себя, что план неплохой. И – пока – единственный…

Они лежали на толстых сучьях старой ветлы, крепко обхватывали их руками и ногами, стараясь не обращать внимания на далекую-далекую землю внизу и борясь с головокружением. Немалого труда стоило им забраться сюда, почти на самую макушку огромного дерева. С оружием они расстались в самом начале нелегкого пути, сунули его в гнилое

дупло, в котором могли бы спрятаться оба.

Они и собирались там спрятаться. Но сначала надо было осмотреться.

Ветла росла на холме, южный, обращенный к деревне склон которого густо зарос дикой малиной. Вид отсюда открывался великолепный, просматривался весь лес: ровная просека – словно титаническая стрела пролетела, сшибая стволы; изгибы речушки, отражающие небесную синь; проплешины болот, зеленеющие топкой тиной, белеющие стволами чахлых берез; темные ельники, светлые полянки, озерца, далекая черная гарь, и еще дымящееся пожарище…

А уж деревня-то была видна как на ладони…

– Ты слышал что-нибудь о человеке по имени Епископ? – спросил Глеб.

– Да… Давно… Когда-то Орден Смерти подчинялся ему…

– Что? – Глеб едва не свалился с ветки. – Впервые слышу. Ты уверен?

– Это все знают.

– Значит, действительно… – Глеб завозился. – Действительно, это может быть Епископ… Черт… Черт!..

Неспроста, значит, у Ордена есть к нему претензии. Не случайно, значит, он сталкивался с ними. Вспомнить бы, что тогда случилось. Выяснить бы, чего он тогда добивался, чего хотел…

Надо, надо переговорить с кем-то из людей в масках.

Надо пробраться в деревню.

Нужно все выяснить…

Глебу уже не терпелось, хотелось сползти с дерева, подхватить копье – и вперед, вниз по холму, бегом через малину, к деревне, а уж там – будь, что будет…

– Нет, – сказал он вслух. – Еще не время.

Слишком много людей в деревне. И все при оружии. Ходят, сидят, стоят на постах, отдыхают в избах. Вон на дворе за конюшней целая группа – человек пятнадцать; тренируются, рубят клинками пучки хвороста, потрошат мешки соломы. Учитель – в черном плаще, на рукаве багряная повязка, вместо лица – желтая кость.

– Ночью, – пробормотал Глеб, отползая назад. – Дождемся темноты и проберемся в деревню.

Он прижался к толстому стволу, нащупал ногами ветку внизу – ту самую, на которой расположился Ирт – встал на нее, вцепился пальцами в кору, чуть сдвинулся вправо, дотянулся до острого сухого сучка, повис на нем, правой ногой нашарил очередную опору, глянул вниз…

Спускаться было трудней, чем подниматься.

Чуть не рассчитаешь, сорвешься – и все…

Все?..

И что же именно?..

Глава 3

У игровых корпораций дела шли не очень гладко.

Среди игроков участились несчастные случаи, увеличилось количество самоубийств, выросло число психических расстройств – но все это было объяснимо, ожидаемо, и с этим корпорации справлялись своими силами. Немалые деньги шли на создание реабилитационных клиник и исследовательских центров, еще больше средств тратилось на рекламу, убеждающую, что игры абсолютно безопасны, что виртуальные миры не несут никакой угрозы, что нейроконтактер – величайшее изобретение человечества, дарующее полную свободу.

А покушаться на свободу не было позволено никому.

Обыватели верили рекламе, потому что хотели играть.

Чиновники верили корпорациям, потому что имели с них часть прибыли.

А правительство было удовлетворено существующим положением: народ – прежде всего молодежь – не требовал ничего сверх необходимого, потому что все недостающее мог получить в другом – иллюзорном – мире.

А самоубийцы и психи – ну так и что? Их всегда хватало, они есть и будут, а прогресс не остановить, и даже если запретить операции по вживлению нейроконтактеров, даже если прикрыть игровые серверы – этим ничего не добьешься,

лишь взбаламутишь народ. И все будет, как раньше – только операции начнут делать подпольно, в ужасающих условиях, серверы перебазируются в другую страну, денежные потоки потекут в другую сторону, а правительство…

Правительство, скорей всего, сменится…

Танк с интересом просматривал материалы, что находились на сервере, адрес которого дал ему человек в желтой футболке и позолоченных очках. Информации было так много, что разобраться с ней сразу не представлялось возможным, несмотря на то, что все данные были структурированы, разбиты по разделам, отсортированы, снабжены аннотациями. Мало помогала и мощная система поиска.

Текстовые файлы, копии всевозможных документов, видеофрагменты, аудиозаписи, вырезки из газет, в основном, «желтых», научные и псевдонаучные отчеты, интервью, логи, ссылки на материалы, находящиеся в общем доступе…

Танк уже знал, что от него требуется.

В игровых мирах стали происходить странные вещи. Такие, что ставили в тупик опытных специалистов.

Некоторые игроки жаловались на страшную головную боль, начинающуюся, едва только они подключались к игре. Двенадцать человек в разное время, в разных странах, но при похожих обстоятельствах полностью потеряли память. Девять человек разучились говорить. Пятеро подключенных впали в кому. Четыре человека погибли – задох-

нулись во время игры, словно забыли, как дышать.

И это были только зарегистрированные случаи. А сколько подобных происшествий не получили огласки? Сколько смертей могли показаться естественными?

Корпорации были не на шутку встревожены. Пока им удавалось все хранить в тайне, но рано или поздно эти факты могли выйти наружу. Слухи уже ходят, дешевые газетенки печатают жуткие истории, которые лишь кажутся выдуманными, поисковики на запрос «смерть от нейроконтактера» выдают сотни тысяч ссылок.

Хуже всего было то, что корпорации не могли понять, с чем связана волна странных событий. И почему раньше было все нормально, а теперь, вдруг…

Танк откинулся на спинку кресла, включил вибрацию, потянулся, зевнул, глядя в потолок. Пожал плечами, сказал:

– Неужели вы еще не поняли? Это же Матрица… – Он ухмыльнулся, заложил руки за голову, прикрыл глаза, проговорил мечтательно: – Это Искин… Сеть ожила… – Он сидел так довольно долго, наслаждаясь массажем, вспоминая что-то приятное из беззаботного летнего детства. Потом вздохнул, потянулся к отставленной клавиатуре; не открывая глаз, нащупал кнопку включения голосового интерфейса, нажал, сказал ровно и отчетливо:

– Открыть диктофон… Создать новое сообщение…

И, вновь откинувшись на дрожащую спинку кресла, крепко призадумался.

1

Ночь, как назло, выдалась светлая и безветренная.

Глеб и Ирт выбрались из дупла, сбросили на землю оружие, спустились сами.

– Точно хочешь идти со мной? – на всякий случай еще раз спросил Глеб.

– Да, – уверенно ответил Одноживущий.

Они оглядели друг друга, попрыгали на месте, проверяя, не звенит, не брякает ли амуниция. Глеб разрыхлил копьем почву, зачерпнул ладонями жирную землю, умылся ею, размазал по лицу. Затем вытер грязные руки о штаны, запачкал их, испятнал.

Ирт недоуменно следил за действиями Богоборца. Потом просветлел лицом, закивал довольно и поспешил последовать примеру предводителя…

Чумазые, словно черти, они слились с ночью.

– Все запомнил? – шепотом спросил Глеб.

– Да, – тихо откликнулся Ирт.

Они надеялись проникнуть в деревню, не поднимая шума. Идея с пожаром, конечно, была неплоха, но Двуживущие, наверняка, заподозрили бы неладное. Так что Глеб от этого плана отказался, решив приберечь его на крайний случай.

Со своего наблюдательного поста они высмотрели воз-

можный путь в селение, наметили ориентиры. От малинника к деревне тянулась небольшая ложбинка. Ночь затопила ее густой чернотой; прячась в мелкой тьме, можно было ползком добраться почти до самого частокола. Дальше нужно было преодолеть небольшой ровный лужок, где не было укрытий, но который практически не просматривался со стороны деревни, поскольку его заслоняла полоса кустов. Глеб рассчитывал пересечь этот открытый участок за несколько секунд. Они рисковали, но риск был оправдан.

Если их обнаружат, то вот он лес, черный, близкий, спасительный.

А если все пройдет без эксцессов, то – дальше – вдоль частокола, сливаясь с бревнами, прижимаясь к ним, медленно, мелкими шажками, беззвучно. Там, где стена поворачивает, – присесть на корточки, перекатиться за копну. Осторожно снять с нее пласт сена, укрыться им, дождаться низового предутреннего тумана – и ползком вдоль дороги, по канаве, где лежит неровными валками солома, упавшая с возов, где шуршат мыши и зайцы, выбирая из пыли зерна овса.

Всего несколько метров – и канава упрется в столбы отсутствующих ворот. Рядом старые повозки – колеса, борта, оглобли, рваные тенты, свисающие до земли, – мешанина теней, лучшее укрытие. Враг совсем близко, но если быть осторожным, если не шуметь, то он ничего не заметит, потому что Двуживущие любят поговорить, потому что рядом, наверняка, будут гореть костры, и колбаса будет жариться на

шампурах, румянясь, потрескивая, капая жиром на угли.

Ну кто рискнет сунуться в деревню, полную вооруженных Двуживущих?..

Глеб по себе знал, что в компании притупляется чувство опасности, и размывается чувство ответственности.

Он рассчитывал проползти под телегами, у врага под носом, потом свернуть за сарай, выпрямиться, отойти подальше… Если его увидят, вряд ли обратят внимание. Решат, что кто-то из своих прогуливается.

Ну, а если вдруг поднимется тревога… Сколько там человек в охране? Наверняка, не больше шести. Разве смогут они остановить Богоборца?..

– Значит, ты останешься возле копны, – еще раз повторил Глеб. – Если услышишь шум, поджигай сено и беги в лес. Если будет тихо, перед рассветом возвращайся к нашему месту и жди меня там.

– Я помню, – сказал Ирт, недовольный тем, что Богоборец все повторяет по нескольку раз, словно сомневаясь в умственных способностях напарника. – Подпалю мигом, не волнуйся.

Глеб представил, как до самого неба полыхнет копна, и закружится в ночи огненная метель. А по ту сторону частокола, почти подпирая его, стоит дом, крытый соломой. Рядом – деревянный сарай, из-под крыши которого, словно вихры из-под картуза, выбились клочья сена. Пожар мигом перекинется через стену, его не остановят ни железные гвозди по-

верху, ни бечева с колокольчиками.

Сколько Двуживущих спит в этих избах? Многие ли из них проснутся утром?..

– Ну, пошли, – сказал Глеб, перехватил копье и решительно шагнул в малинник.

2

Все прошло гладко, в точности по плану. Лишь туман запоздал немного, и лежащий на холодной земле Глеб успел иззябнуть.

Охранников было пять человек. Они расположились вокруг костра, их мечи были воткнуты в длинное бревно, а шлемы лежали на земле. Над огнем жарился свиной окорок, насаженный на вертел; время от времени кто-нибудь из охранников поднимался, выдергивал меч, брал опустевшую медную миску, и настругивал в нее сочное мясо. Потом он передавал посудину товарищам, а сам выходил из освещенного круга, подходил к телегам и, позевывая, обозревал окрестности.

Глеб прополз у охранников за спинами. Он мог бы дотянутся копьем до любого из них. Он слышал, о чем они беседуют, но их пустые разговоры мало его занимали.

Надо было найти кого-то из людей в маске…

Глеб полз медленно, словно слизень. Старательно раздвигал высокую осоку и развесистые лопухи, прижимался к зем-

ле, ощупывал свободной рукой пространство перед собой, убирал в сторону мелкие ветки, что могли хрустнуть под его тяжестью.

Голоса удалялись, все тише становился треск костра, и все темней казалась ночь.

Оказавшись за дровяным сараем, Глеб приподнялся, сел на корточки, осмотрелся.

Деревня спала. Глаза-окна были закрыты веками ставней, двери домов надежно заперты изнутри.

Разбудить Двуживущего невозможно, поскольку во время сна разум его находится в другом мире, в мире первичном, реальном. Спящего Двуживущего можно легко убить, но трудно найти беззащитного спящего Двуживущего…

Глеб выглянул из-за угла, убедился, что охранники даже не смотрят в его сторону, встал, выпрямился, обогнул сарай, увидел, что его дверь не заперта, только подперта небольшим полешком. Он шагнул к ней, радуясь, что нашел укрытие, где можно привести себя в порядок, стереть с лица землю, отряхнуть одежду, заправиться, стать похожим на одного из учеников Ордена Смерти…

Он убрал полено, осторожно потянул дверь на себя, с замиранием сердца ожидая, что ржавые петли сейчас пронзительно заскрипят…

Что-то упало Глебу на ногу. Вывалилось из-за приоткрывшейся двери, хлопнуло по сапогу.

Глеб опустил глаза.

Что-то неприятно белое, вспухшее, отдаленно похожее на руку…

Он похолодел.

В дровяном сарае кто-то был.

И этот кто-то навалился на дверь, он нажимал все сильней, давил, и Глеб подставил плечо, не желая его выпускать.

Хотелось отскочить, но тогда дверь распахнется, и тот, кто уже высунул руку – белую, вспухшую, – весь вывалится наружу…

Глеб уперся, подцепил мыском сапога тяжелую конечность, забросил ее внутрь, поднатужился, приналег на дверь.

Но перед тем, как окончательно ее закрыть, не выдержал – заглянул в темный сарай.

Он догадывался, что увидит.

И все же оказался не готов.

Ему сделалось плохо, и тошнота подступила к горлу. Он захрипел сдавленно, отпустил дверь, попятился…

Во тьме дровяного сарая смутно белели тела Одноживущих, сложенные неровной поленницей. Их страшные лица были обращены ко входу. Их мертвые глаза все смотрели на Глеба.

«…он создан, чтобы защитить нас, Одноживущих…»

Глеб не закричал лишь потому, что у него перехватило дыхание.

«…отомстить Двуживущим за наши мучения…»

Дощатый сарай был полон трупов. Орден Смерти собрал

здесь всех жителей деревни.

3

Он пришел в себя на крыльце какого-то дома. Он сидел на ступеньках, закрыв лицо ладонями и тяжело дыша.

Как он сюда попал, Глеб не помнил. Видел ли его кто-нибудь, Глеб не знал.

– Тихо, – сказал он себе. – Это всего лишь Одноживущие.

Это не люди. Это программные модули, точно такие же, как те рыжие муравьи, только изощреннее, куда более сложно устроенные. Не люди – компоненты игры.

Самой натуралистичной игры из когда-либо существовавших…

Тошнота вновь взяла за горло.

Орден Смерти… Что за дурацкое название! Почему бы им не назваться фашистами? Так будет честнее.

Глеб стиснул кулаки, заскрежетал зубами, чувствуя, как закипает в душе гнев.

С точки зрения игрового процесса, истребление Одноживущих может быть оправдано. Ведь очки опыта начисляются игроку за любое убийство. Крестьянин с вилами, конечно, менее достойный противник, чем какой-нибудь василиск, но василиска еще надо найти, а крестьяне – вот они, в каждой деревне. И пусть падает харизма, пусть ухудшается отношение людей к тебе, пускай тебя ненавидят, избегают, пусть ни-

кто из нормальных людей не хочет иметь с тобой дела, но если в мире полно таких же выродков, то ты не станешь изгоем.

Но *такая* игра перестает быть игрой.

Всему должна быть мера…

Глеб с трудом сдерживался, чтобы не закричать в полный голос, вызывая на бой всех ублюдков, что собрались здесь. Сейчас он чувствовал, что способен в одиночку расправиться с целой армией.

Он – Богоборец.

У него есть сила и умение.

Его не возьмут ни мечи, ни стрелы.

Игры закончились…

Глеб ударил ногой в запертую дубовую дверь, и она лопнула, сорвалась с петель, улетела во тьму длинного коридора, сбила что-то металлическое, звучное, громкое – может ведра, а может доспехи.

– Зажигай! – прокричал Глеб во всю мощь своих легких и перешагнул истертый порог.

Кто-то бросился ему навстречу, размахивая мечом, но Глеб поймал клинок в голую ладонь, дернул к себе, двинул кулаком, и оглушенный обезоруженный боец отлетел, ударился о бревенчатую стену, сполз на пол и больше не шевелился.

Тонкая веревка зацепилась за лодыжку, натянулась словно тетива – и в тот же миг справа сухо щелкнул самострел.

Глеб легко увернулся от стрелы, перерубил ее трофейным

мечом, даже не осознав, что только что сделал. И закричал дико, нечленораздельно, с упоением ощущая свою силу, свое могущество, забыв обо всех волнениях, думах и переживаниях.

Где-то далеко эхом отозвались встревоженные голоса охранников. Залаяла собака – одна на всю деревню, единственная, что выжила, забившись под крыльцо, когда Двуживущие устроили резню.

Глеб вдруг понял, что видит в темноте.

Он ударил плечом в очередную дверь, вышиб ее, выворотив прочный засов, ввалился в комнату, где стояли три кровати, лавка, большой комод с мутным, засиженным мухами зеркалом, шкаф и стол. Белел, словно светился, печной бок. В углу чуть теплилась медная лампада. А рядом с ней на стене, между печкой и шкафом, висели на гвоздиках три желтые костяные маски – снятые на ночь лики смерти.

Двуживущие спали.

И ничто не могло их разбудить.

Глеб подскочил к маскам, сорвал их, растоптал. Сдернул лампаду, бросил ее на пол, прижал ногой, глядя, как растекается масло, и как бежит по нему огонь. Выглянул в окно: над частоколом полыхало зарево – Ирт услышал шум, все сделал, как надо.

Глеб опрокинул ближайшую кровать, разорвал серую льняную простыню на длинные полосы, скрутил их в жгуты, связал ими Двуживущего, легко его подхватил, взвалил на

плечо, бросился к двери.

За спиной взорвалась лампада. Кипящее масло плеснуло на стены, вспыхнуло желтым пламенем. Вмиг занялись легкие занавески.

Глеб промчался по коридору, выскочил на крыльцо.

Огонь уже перекинулся через частокол – горела соломенная крыша избы, пылал сеновал. Горячий пепел летал над деревней, роились в воздухе искры, гудел, трещал разгорающийся пожар; в дыму метались серые тени – охранники, оставив посты и жарящиеся окорока, побросав оружие, взламывали двери, выбивали окна и вытаскивали, выволакивали из домов бесчувственных товарищей, бросали их на траву, мчались назад, в огонь, в дым, выносили оружие и доспехи, спасали костяные маски…

Глеб не стал прятаться, побежал прямо к дороге, к ближайшему выходу из деревни.

Его заметили, два человека прокричали издалека:

– Ты куда?! Откуда?!

– Там тоже горит! – крикнул Глеб, пряча лицо за телом взваленного на плечо Двуживущего. – И там еще двое!

Его приняли за своего и не остановили; на него не обратили внимания, когда он лез через телеги, швыряя связанного Двуживущего, словно куль с тряпьем…

А потом была дорога, притрушенная соломой, колючие кусты, цепляющиеся за одежду, ветки, хлещущие по лицу, трава, обсыпанная росой, с треском рвущаяся паутина, ту-

ман, сырые листья, стволы берез, коряги под ногами…

И рассвет – словно пожар перекинулся на небо.

4

Шон Железный Кулак всегда просыпался в хорошем настроении. А иначе – зачем просыпаться? В игру надо приходить с удовольствием и для удовольствия. Проблемы и тревоги – этот груз надо оставлять в реальности.

На сегодняшний день у Шона было запланировано несколько приятных дел. Во-первых, наведаться к мастеру Грому, получить из его рук давно ожидаемый свиток с заклинанием «горящий напалм». Во-вторых, посетить тренировку и продемонстрировать послушникам Ордена искусство «броска из пустоты». В-третьих, заглянуть к мастеру Зевсу, пообщаться – старый друг теперь просыпается редко, о пробуждениях своих извещает заранее, собирает компанию интересных людей. А беседы с ним всегда так интересны…

Шон Железный Кулак зевнул.

До чего же хорошо! Птицы поют, солнце пригревает, а воздух – душистый, свежий. Такого воздуха больше нигде нет.

Постель только что-то жестковата. И тело затекло…

Он хотел потянуться.

И не смог.

Он попробовал пошевелить рукой.

И не сумел.

Он открыл глаза, но ничего не увидел.

Шон Железный Кулак понял, что с ним произошло нечто малоприятное, и его настроение разом ухудшилось. Он даже подумал о том, чтобы снова заснуть, но прежде надо было выяснить, что же случилось, и Шон Железный Кулак, надеясь, что его голос не прозвучит испуганно, изо всех сил закричал:

– Эй! Что происходит?! Есть кто-нибудь рядом?!

Что-то хрустнуло. Близко. Очень близко.

Потом чья-то рука сдернула с глаз повязку, и ровный невыразительный голос сказал:

– Доброе утро.

Шон Железный Кулак зажмурился – яркое солнце ослепило его.

– Доброе, – сказал он осторожно. – А что со мной?

Ему не ответили.

А когда Шон Железный Кулак проморгался, то увидел, что перед ним на корточках сидят два вооруженных человека и смотрят ему в лицо.

– Привет, – поздоровался Шон.

В то же мгновение он узнал одного из этих людей.

5

Двуживущий чуть вздрогнул, и Глеб, заметив это, тут же

подался к нему:

– Ты меня узнал?

– Да, Богоборец, – выдержав паузу, сказал Двуживущий. – Меня зовут Шон Железный Кулак. Не припоминаешь? Мы с тобой уже как-то встречались.

– Напомни, при каких обстоятельствах.

– При тех самых…

– Когда?

– Всего месяц назад. Или не помнишь?

– Не помню, – сказал Глеб. И Двуживущий недоверчиво хмыкнул…

Они находились на небольшой поляне, окруженной густым терновником. Лучи яркого солнца, прорвавшись сквозь листву, расплескивались желтыми пятнами по изумрудной траве. В кронах щебетали пичуги, перепархивали с ветки на ветку…

– Послушай, ты… – Глеб взял Двуживущего за плечо, встряхнул. – Мне надоело играть, и я сейчас совершенно серьезен. Рассказывай, что случилось в нашу предыдущую встречу.

– А ничего особенного, – сказал Двуживущий, стараясь не обращать внимания на боль в плече. – Ты убил трех наших мастеров и разогнал учеников, а потом отнял у меня Меч Хорга. Где он, кстати? Неужели ты его продал?

– Чего я от вас хотел?

– Откуда мне знать? По-моему, ты просто проходил ми-

мо. А мы не любим, когда мимо нас проходят Одноживущие. Кто-то к тебе прицепился… Если бы мы знали, что это был ты…

– Я не Одноживущий! – вскинулся Глеб.

– Конечно, – кривя губы, согласился Шон. – Ты Богоборец. Единственный в своем роде.

– Я человек! Я такой же, как ты! Я – Двуживущий!

– Ага, конечно.

– Я все знаю о том мире! Я помню свой компьютер, и пароль для доступа помню, и квартиру свою, и дом, и двор, и сослуживцев помню, и друзей старых… – Глеб говорил сбивчиво, его распирало, он торопился, ему просто необходимо было выговориться. – Я помню, как в школе выцарапал на парте свои инициалы, и получил запись в дневник. Помню, как меня уволили с работы из-за того, что я слишком увлекся играми! У меня есть настоящая жизнь! Есть! Я ее помню!..

– Это все очень занятно, – сказал Шон словно бы в сторону. – Но, честное слово, разработчики могли бы придумать что-нибудь более оригинальное.

Глеб осекся, отпустил плечо Шона, нахмурился. Спросил осторожно, глядя в землю:

– Ты о чем?

– Об Одноживущих, считающих себя Двуживущими. Таких, говорят, сейчас стало много. Я и сам видел одного, беседовал с ним, как сейчас с тобой.

– Но… – Глеб растерялся. – Но я же…

– Когда ты родился? – спросил Шон. – Когда появился в игре?

– Здесь?.. Я?.. Несколько дней назад.

– Новорожденный, значит. Ну и посмотри на себя, похож ты на Новорожденного? Силой, ловкостью, умением? Ты же мне – мастеру Ордена – только что чуть плечо не раздавил. Да на тебе сейчас магии понавешено, я же вижу, я в этом деле мастак. А в тот раз, когда ты трех мастеров прикончил, ты аж светился весь!

– Но я же… Помню… – пробормотал Глеб. – Я… мыслю… осознаю… Это все Епископ. Епископ! – Глеб вскинул голову. – Я Двуживущий, но Епископ что-то со мной сделал! Как мне его найти? Отвечай!

– Епископа больше нет, – спокойно сказал Шон. – Говорят, он умер. Умер по-настоящему. Почти сразу после того, как стал богом.

– Стал богом? И что означает «по-настоящему»?

– А то и значит… – криво ухмыльнулся Шон. – Умер он. Совсем. В том мире. Так говорят. По-крайней мере, в игре он не появлялся очень давно.

– Насколько давно?

– Лет шесть, наверное.

– Игровых?

– Настоящих, – ответил Шон.

Глеб молчал долго, закусив губу и пытаясь переварить полученную информацию. Соображалось туго, в голову лезли

разные панические мысли, думалось о затянувшемся кошмаре, о программной ошибке, о неполадках в нейроконтактере, о замыкании в мозгу…

– Ну так что, Богоборец, ты меня прикончишь или отпустишь? – нарушил затянувшееся молчание Шон Железный Кулак.

– Ты говорил, что есть еще такие же люди, как я… – Глеб посмотрел пленнику в лицо. – Знаешь, как их найти?

– Разве только одного. Он живет в глухой деревеньке на самом краю мира, прячется там ото всех. Отпусти меня, и я расскажу, как его отыскать.

– Если ты меня обманешь, я вернусь.

– Не сомневаюсь, – хмыкнул Шон. – Но это не слишком меня пугает… Ну так что, мы договорились?

– Да, – кивнул Глеб.

И повеселевший Шон перекатился на бок и начал рассказывать свою историю.

6

Чтоб стать великим, надо убить великого. Это известно всем.

Первейшее правило Мира – убей и возьми опыт жертвы. Уничтожь противника и приплюсуй к себе его качества. Ограбь остывающее тело. Забери у него все…

Шон Железный Кулак готовился к схватке с сильным про-

тивником.

Без малого месяц тому назад он подслушал в таверне разговор Одноживущих. Они обсуждали человека, что не так давно поселился в их деревне. Судя по всему, это был опытный воин, решивший уйти на покой. Он старался быть незаметным, он не носил доспехов, одевался по-крестьянски просто, но могучее телосложение и множество шрамов выдавали его с головой.

– Я видел меч, который он прячет под кроватью, – поделился один из собеседников. – Здоровенный, тяжелый. На рукоятке три больших камня – два красных и один синий, наверное драгоценные. А клинок зеленоватый и чуть светится. И надпись на нем, рунами, – Хорг.

Услышав это, Шон Железный Кулак медленно повернулся, окинул взглядом беседующих крестьян, запомнил их.

Мастер Хорг, слепой гном, изгнанный соплеменниками и принятый людьми, за свою короткую жизнь вне подземелий выковал шесть мечей. Три из шести считались пропавшими. Говорили, что гномы отыскали их и уничтожили, перековали на гвозди – но даже перекованный металл сохранил магию мастера, и гвозди эти ранили лучше любого кинжала. А три уцелевших меча до сих пор ходят по Миру, меняя хозяев. Первый меч – Палач – легко рассекает любую сталь. Второй меч – Луч – ярким сиянием ослепляет врага. Третий меч – Беркут – так крепко сидит в руке хозяина, что его невозможно выбить…

Шон Железный Кулак покинул таверну вместе с захмелевшими крестьянами. На окраине деревни он обогнал их, остановил и задал несколько вопросов. Поначалу крестьяне делали вид, что не понимают, о чем толкует воин, но Шон Железный Кулак умел разговорить Одноживущих, ведь он не зря был мастером Ордена Смерти.

Выяснив все, что требовалось, и устранив свидетелей, Шон отправился в дорогу.

Почти целый месяц шел он на восток, сверяясь со схемой, которую нарисовали ему Одноживущие, и отмечая пройденный путь на подробной карте Мире. А на рассвете двадцать шестого дня он поднялся на холм и увидел море, соединившееся с небом.

Огромное неровное солнце медленно поднималось из-за края Мира. И на его кумачовом лице чернела длинная полоса – словно чуть приоткрытый рот. Это был Остров Туманов – конечная цель путешествия Шона.

В небольшой деревеньке на побережье Шон Железный Кулак нанял парусную лодку. Старый словоохотливый рыбак, выводя скрипучую посудину в море, долго пытался разговорить сосредоточенного угрюмого Двуживущего, болтал неуемно, стараясь скрыть свой страх, но потом догадался, что клиент хочет тишины, и замолчал.

Шон Железный Кулак убил его на берегу. Теперь он умел обращаться с парусом, и перевозчик ему больше не требовался.

Вглубь острова вела дорога. Она огибала острую скалу и уходила в лес, и Шон знал, что за этим лесом его путешествие закончится…

Он вошел в деревню, когда за его спиной садилось солнце. Он видел, как вмиг опустела улица, и ухмыльнулся.

На нем была кровь.

В центре селения Шон Железный Кулак остановился. Он воткнул перед собой меч, достал из сумки костяную маску и надел ее. Он был уверен, что даже здесь, на самом краю Мира, Одноживущие опознают символ Ордена Смерти. И ему показалось, что он слышит испуганные шепотки за стенами домов.

Шон выкрикнул имя, почти наверняка зная, что этот человек сейчас следит за ним.

Он не ошибся.

Не прошло и минуты, как дверь одного из домов – самого старого, самого неухоженного – отворилась. Высокий широкоплечий человек в простой рубахе, босой, всклокоченный, вышел на крыльцо, постоял немного, глядя на закат, потом спустился к покосившейся калитке и шагнул на дорогу.

– Ты пришел убить меня? – Он смотрел куда-то в сторону и сутулился, словно держал на плечах что-то очень тяжелое.

– Да, Серый Рыцарь, – сказал Шон. – И я хочу кое-что у тебя забрать.

– Меч Хорга?

– Точно.

– Тебе не найти. Я хорошо его спрятал.

– Под кроватью? – усмехнулся Шон.

Серый Рыцарь промолчал, только глянул угрюмо на пришельца, повел плечами, словно сбрасывал нечто очень тяжелое и выпрямился.

– Меня непросто убить, – сказал он, и это не было угрозой.

– Я попробую, – сказал Шон и выдернул из земли меч.

– Постой, – выставил перед собой широкую ладонь Серый Рыцарь. – Прежде чем мы начнем драться, разреши я кое-что тебе расскажу.

– Скоро стемнеет.

– Рассказ не займет много времени.

Шон пожал плечами, и Серый Рыцарь кивнул.

– Что ж… – сказал он, присев на столб, лежащий у дороги. – Ты не первый, кто вызывает меня на поединок. И не первый, кому я рассказываю эту историю… Я не знаю как тебя зовут, не знаю кто ты, но это не важно. Я знаю, для чего ты пришел ко мне, и мне незачем знать больше… Когда-то давно я был воином. Обычным Двуживущим ратником, путешествующим по Миру. И я знал, что все это, весь Мир – лишь игра. Большая игра, похожая на реальность, игра идущая в недрах моего компьютера, в моем мозгу, в паутине глобальной сети. И я увлеченно играл, но ни на минуту не забывал, что это лишь развлечение, что этот мир – фантазия, увлекательная и красивая, но обманчивая… Я проводил здесь все свободное время в поисках приключений, а потом

возвращался туда, в обыденность, в свое настоящее тело. В реальном мире я был обычным незаметным человеком, у меня была жена, маленький сын, квартира, долги и нелюбимая работа. А здесь я превращался в героя… Но однажды… Однажды я лег спать и не заснул. Я просто лежал на кровати и тупо смотрел в потолок. Ты знаешь, что когда мы засыпаем здесь, то приходим в себя там, в реальности. А я не мог вернуться назад. К своей жене и сыну. В свою квартиру. К долгам и нелюбимой работе… Всю ночь я провалялся на постели, тщетно пытаясь заснуть, уйти из этого придуманного мира, и не мог… Не мог… Мне было страшно. Мне было очень страшно. Я не знал, что это, как это, почему… И я лежал в той пустой темной комнате, за запертыми дверьми и закрытыми ставнями, с трудом сдерживая рвущийся крик отчаяния и ужаса, и все закрывал глаза и вновь открывал… Закрывал и открывал… Закрывал… Открывал… Я оказался в заточении. Где? В компьютере? В своем мозгу? Где-то в сети? Где я сейчас? Тогда я не задавал себе этих вопросов, задумываться об этом я стал позднее, когда понял, что мне никогда больше не вернуться назад, в мир настоящих людей, а не электронных фантомов, что я обречен на существование здесь… Что случилось? Я не знаю. Я могу лишь строить предположения. Иногда воображение рисует мне страшные картины: мое настоящее тело в больнице. Лежит на койке, безвольное, расслабленное, слюна течет по подбородку. Работает аппарат жизнеобеспечения, питая мой мозг. Мозг ка-

татоника. Или другая картина – я с женой и ребенком, но это не я. Это что-то другое, имеющее мою внешность. Ведь я – вот он, здесь. А там… Кто там?.. Я уже стал забывать, как выглядело мое настоящее тело. Помню лицо в зеркале – рыжую щетину на щеках, короткий нос, серые глаза. И все… Я пытался выяснить через знакомых, что со мной случилось. Но в моей квартире жили другие люди. Я просил найти жену и ребенка, но они словно сквозь землю провалились… В конце-концов я смирился со сложившимся положением. А что еще мне оставалось?.. Больше я не мог подвергать себя опасности. Меня пугала и пугает та неизвестность, что стоит за порогом смерти. Куда я попаду, если погибну? Очнусь ли в том мире? Навряд ли. Даже если тело мое еще живо, оно давно отключено от компьютера. Возрожусь ли заново здесь? Или пропаду, сгину навечно, навсегда, окончательно? Я не знаю… Теперь я не Двуживущий. Я призрак, заключенный в компьютере, в Мире, где идет бесконечная, бессмысленная игра, куда приходят люди из реальности, настоящие люди, ищущие развлечений. Война, сражения, драки – вот их развлечения. Но уже не мои… Я уединился, ушел в этот забытый богом уголок, спрятался ото всех. Но ты нашел меня и здесь… Что ж, решай теперь, хватит ли у тебя духу забрать мою жизнь, возможно, единственную. Есть ли у тебя это право… Решай, но знай, что в случае, если ты бросишь мне вызов, я буду биться насмерть. Мне есть что защищать… Решай!

7

– Ты убил его? – спросил Глеб.

– Я не смог, – ответил Шон. – Но не потому, что поверил во всю эту чушь, а потому, что он действительно оказался очень сильным бойцом. Мы сражались на дороге, посреди деревни, у меня был меч, а у него – выдранная из забора палка. И я ничего не мог с ним поделать. Тогда я решил схитрить, и сказал, что перед боем приготовил к отправке письмо, в котором подробно изложил, как добраться до этого места. Я сказал, что письмо будет отправлено через день, и тогда на десятке популярных форумов появится информация о том, где можно раздобыть Меч Хорга. И я предложил сделку: меч в обмен на сохранение тайны.

– Он отдал его тебе?

– Не сразу. И без удовольствия. Но что ему оставалось?.. А потом этот меч забрал ты. В нашу прошлую встречу. И я тоже отдал его без особого удовольствия. И не сразу.

– Я убил тебя тогда?

– Нет.

– Почему?

– Потому что мы долго разговаривали… – Шон Железный Кулак усмехнулся. – Сложно убить человека, с которым ты долго беседовал. Не потому ли киллеры всегда так молчаливы?..

Глеб развязал Шону руки, помог ему сесть.

– Какое отношение имеет Епископ к вашему Ордену?

– Когда-то мы прислуживали ему. Он стал богом, а мы – его проповедниками. Он дал нам часть своей силы, и мы творили чудеса его именем. Нас было немного, мы одевались в такие же плащи, что и сейчас, а повязки, которые теперь мы носим на рукавах, раньше охватывали наши лбы… – рассказывая, Шон растирал запястья, разминал пальцы. – Когда Епископ пропал, дела наши пошли худо. И тогда мы решили объединиться в Орден. Вот и все, собственно.

– Зачем вы уничтожаете Одноживущих?

Шон Железный Кулак пожал плечами:

– Я могу назвать тебе десяток причин. Кто-то из наших искренне верит, что делает благое дело, обновляя население Мира, ведь ни для кого не секрет, что старые версии Одноживущих более примитивные. Другим просто нравится быть мерзавцами, они находят это забавным. Третьи ищут легких денег и быстрого развития. Четвертые хотят быть частью могучей организации. Есть и самые настоящие чокнутые, эти под все свои действия подводят какую-то идеологию… Здесь все, как в настоящей жизни.

– А ты?

– Я-то?.. Со мной сложнее… Я, наверное, отношусь к последним, к чокнутым. Дело в том, что я боюсь Одноживущих. Вот уже который год я слежу за ними. Я вижу, как они прогрессируют, и пытаюсь убедить себя, что это просто ал-

горитмы становятся изощреннее. Я беседую с ними, и ловлю себя на мысли, что уже не способен отличить их от настоящих людей. У них ведь у каждого свой характер, своя манера разговора, своя история. А теперь вот появились такие, как ты – Одноживущие, которым кажется, что они Двуживущие; сильные умелые воины-одиночки. Это случайность? Я не верю в случайности. Иногда мне представляется, что в один день вы все взбунтуетесь и вышвырнете нас из своего мира. А потом – как знать – найдете способ выйти из виртуальной игры в реальность. Может быть, вы уже захватываете наши тела, проникаете в наши мозги, похищаете наш разум, пока мы тут расслабляемся… Ты смеешься? Я сам иногда над собой смеюсь. Но вы, Одноживущие программы, все больше и больше становитесь похожи на настоящих людей. И это не может не пугать. Если бы не метка, не знаю, как бы я стал вас отличать.

– Какая метка?

– Родимое пятно на щеке. Маленькая точка, которая есть у всех Одноживущих последних версий… – Шон Железный Кулак протянул руку, ткнул пальцем Глеба в скулу. – Но в Мире еще много Одноживущих, у которых этой метки нет. И я убиваю их. Потому что хочу видеть, хочу наверняка знать, с кем разговариваю – с настоящим человеком или же с бездушной подделкой. Тех, у кого есть метка, я пока не трогаю. Но когда-нибудь я стану убивать и вас. Потому что я не хочу, чтобы вы развивались. Я хочу, чтобы игра оставалась игрой.

– Ты, действительно, сумасшедший, – тихо проговорил Глеб, потирая скулу. – Тебе давно надо к врачу. – Он повернулся к притихшему Ирту, посмотрел ему в лицо, обратил внимание на маленькое круглое пятнышко на левой щеке. Спросил с затаенной надеждой услышать отрицательный ответ:

– У меня тоже?

Ирт кивнул.

– Это метка? Метка Одноживущего?

Ирт кивнул еще раз.

Глеб тряхнул головой:

– Не может быть!

– Знаешь, – сказал Шон, пристально на него глядя. – С моей точки зрения, сумасшедший ты, а не я. Так может закончим наш безумный разговор и разойдемся?

– Ты обещал показать дорогу.

– Достаточно того, что я назвал тебе остров и имя. Иди на северо-восток до самого моря, а там спросишь у кого-нибудь более точное направление. Тебе ответят, ты ведь не портил свою карму плохими делами. Ты ведь Богоборец… – Шон Железный Кулак сплюнул и, не дожидаясь, пока его развяжут, сам взялся за путы на ногах. – Не забудьте передать от меня привет Серому Рыцарю. И расскажите, что никакого письма не было, а Меч Хорга он мне отдал за так…

8

Они покинули поляну, оставив на ней связанного Шона. Они спешили, но не потому, что опасались погони, а потому, что Глеб хотел убежать от своих мыслей. Он шагал широко, стараясь думать лишь о предстоящем пути и пытаясь не вспоминать о метке на щеке, о загадочном Знаке меж лопаток, о провалах в памяти, и о том, что Епископ вот уже несколько лет как мертв.

«Одноживущий» – это слово было приговором.

Но Глеб не спешил выносить себе приговор. Он еще надеялся на что-то, он еще верил, заставлял себя верить.

И торопился. Почти бежал.

Ветки деревьев хлестали его, валежник трещал под ногами. Испуганные птицы взмывали ввысь, рыжие белки настороженно смотрели на проходящих мимо людей, слеталась на запах пота надоедливая мошкара…

Глеб плохо представлял, где они находятся. Но Ирт утверждал, что немного знает эти места. Он обещал, что лес скоро кончится, и говорил, что до моря, если идти точно на северо-восток, примерно две недели пути.

Глебу очень хотелось бы преодолеть это расстояние за пару минут.

9

Мастер Зевс должен был проснуться с минуты на минуту. Все уже давно собрались. Один только Шон Железный Кулак опоздал немного, но у него была на то серьезная причина.

– Меня похитили, – сказал он с улыбкой, входя в дом. – Второй раз сталкиваюсь с Богоборцем, и второй раз остаюсь в живых…

Он всех обошел, со всеми поздоровался, потом сел на свое обычное место и коротко, стараясь не слишком увлекаться деталями, пересказал все, что с ним случилось.

– Да ты везунчик, – хмыкнул мастер Джон До. – В прошлый раз Богоборец оторвал мне голову, а сегодня едва не сжег.

Джон До жил в одной комнате с Шоном. Его спящего вытащили из охваченного огнем дома; кровля рухнула в тот самый миг, когда Джона опустили на землю.

– Драгомир сгорел, – сказал мастер Геринг. – Не успели за ним вернуться.

– Я уже знаю, – кивнул Шон. Он проходил через деревню, видел обожженные бревна частокола и три обугленных дымящихся сруба. Дежурившие на дороге охранники, молодые встревоженные послушники, рассказали ему о ночном пожаре и о жертвах. А он рассказал им о том, кто устроил этот пожар…

– Ну, что у нас нового? – очнувшийся мастер Зевс спустил ноги на пол и разом – практически не сгибая колени, держа спину прямой – встал на ноги. Он всегда вставал так – словно киношный вампир из саркофага. Да и внешностью он походил не то на Бела Лугоши, не то на Лона Чейни.

– Не поверишь, – сказал Шон Железный Кулак и широко улыбнулся. – Мы купили Богоборца.

Мастер Зевс недоуменно вскинул бровь.

– Да-да, – кивнул Шон, довольный тем, что сумел удивить и заинтриговать старого друга, обычно ничем не выдающего своих чувств. – Мы купили двух рабов, а один из них оказался Богоборцем.

– Ну и?..

– На тренировке он убил Чертенка, Рыбака, Истукана и еще кого-то из учеников… – Шону было весело. – Потом его опознали, и мастер, проводящий занятие, сбежал со всем своим классом. А Богоборец выпустил рабов, пустил нам красного петуха и смылся. Но на рассвете он вернулся в деревню, спалил три дома, и утащил меня в лес.

– Что ему было нужно?

– Он из тех, новых, что думают, будто они Двуживущие. Как я понял, он решил, что Епископ наложил на него какое-то заклятье.

– Он что, не знал, что Епископа больше нет?

– Выходит, не знал.

– Дааа… – протянул мастер Зевс, присаживаясь на стул

с высокой резной спинкой, которое с небольшой натяжкой можно было назвать троном. – Занятные времена.

– И что ты думаешь насчет всего этого, мастер? – осторожно поинтересовался мастер Хорь – новичок в их компании.

– Думаю… Я много чего думаю… Но прежде, друзья, давайте попробуем благородного эля, что прислал нам Лорд Теней, и вспомним наших товарищей, кто по тем или иным причинам находится сейчас далеко…

Мастер Зевс щелчком выбил пробку из небольшого, стоящего на столе бочонка, быстрым точным движением воткнул в отверстие втулку медного крана – пива пролилось лишь на полглотка.

– Распоряжайся, Хорь.

Младший мастер кивнул, собрал кружки и стал их наполнять, стараясь никого не обидеть, всем наливая поровну, с одинаковой шапкой пены.

– Я думаю, – сказал мастер Зевс, пригубив пиво, – что в Мире началась очередная глобальная игра, каких уже много было. В очередной раз администрация Мира затеяла какие-то перемены, сейчас идет распределение ролей, смена ситуации. Появились новые Одноживущие, народились новые монстры, плодятся самые разные слухи – ведь их кто-то же распускает… Помните, как это было с Епископом? Тогда мир тоже менялся подобным образом, только это было не столь заметно. Администраторы манипулировали всем: фак-

тически, это они создали Культ, который потом превратился в Орден Смерти. Это они подсказывали Епископу и его врагам, что делать. Они дергали нас за веревочки, раздавали задания и миссии, манили деньгами и артефактами. Они ведь отлично понимают, что стабильность скучна, и всячески пытаются разнообразить игровой процесс. Что именно они задумали сейчас, я не знаю. Но нужно быть готовым ко всему. В том числе к тому, что какая-то роль в новой игре отведена нашему Ордену. Не зря же загадочный Богоборец уже второй раз наносит нам визит.

– Интересная теория, – весело сказал кто-то. – Весьма правдоподобная.

Мастера Ордена переглянулись, не понимая, кто это произнес.

– Я здесь, господа… – Голос шел сверху, и Двуживущие дружно подняли головы. Сперва они ничего не увидели, но потом раздался сухой щелчок, пахнуло серой, и на потолке появился человек. Он сидел на балке, упираясь ногами в беленые доски потолка, и, задрав голову, смотрел вниз, на собравшихся вокруг стола людей.

– Привет, – сказал он и встал. – Извините, что заглянул без предупреждения, я просто пролетал тут мимо… – Непонятно было, как он держится на потолке, и почему его долгополая одежда, переметная сумка и длинные волосы не подчиняются земному тяготению.

– Кто ты? – Мастер Зевс первый справился с удивлением.

– Всего лишь маг, – сказал незваный гость и стукнул в потолок белым посохом. – Я случайно подслушал, что тут недавно был один мой хороший знакомый, которого вы называете Богоборцем. Я бы хотел его найти.

– Его здесь нет, – сказал мастер Зевс, осознавая, что ситуация совершенно идиотская, и не зная, как на все это реагировать.

– А не подскажите ли вы, куда он от вас направился? – вежливо поинтересовался странный маг.

Шон Железный Кулак кашлянул, привлекая к себе внимание, посмотрел на мастера Зевса, пытаясь угадать, что тот сейчас думает, и неуверенно сказал:

– Он ушел к морю. На северо-восток.

– Давно?

– Ну… Несколько часов тому назад…

– Ага… – Маг прищурился, нахмурился, что-то высчитывая в уме. – Значит, догоню… – Сказав это, он хлопнул в ладоши и исчез. Невидимые ноги протопали по потолку, оставляя на побелке чуть заметные следы, остановились возле стены.

– Извините, если помешал, – сказал голос. Потом что-то вспыхнуло ярко, громыхнуло; горячий ветер раздернул занавески, опрокинул стоящую на подоконнике герань, вышиб стекло – и смерчем выпрыгнул на улицу, понесся по дороге, оставляя за собой вал поднявшейся в воздух пыли.

В комнате стало тихо. Растерянные Двуживущие округ-

лившимися глазами пялились друг на друга. Потом кто-то из мастеров громко икнул и нерешительно ругнулся, а Шон Железный Кулак шумно выдохнул и вытер отчего-то вспотевший лоб. Скрипнул стул; упала на пол пивная кружка, разбилась, разлетелась стеклянными брызгами.

Мастер Зевс со значением поднял указательный палец к потолку, с которого все еще сыпались опилки и побелка, и сказал почему-то зловещим шепотом:

– Вот. Я же говорил – занятные времена…

Глава 4

Танк не впервые проводил расследование в виртуальных мирах. И перед тем, как взяться за дело, он тщательно обдумал свои требования к работодателю, изложив их в виде списка, куда включил все, что, как он посчитал, было нужно ему для нормальной работы. А именно:

Производительный стационарный компьютер, желательно на базе процессора «iNeuro-twin».

Широкополосный резервированный канал для подключения к сети.

Мост-брэндмауэр «Net-Burner», защищающий компьютер от внешних атак и несанкционированного доступа.

Новейший нейроконтактер «Blee» с прошивкой «Spewal-89» и модулем беспроводной связи «BlueMouth-64», цвет синий.

Мобильный компьютер типа «Spark», модель TY7-TURBO, цвет синий.

Специализированный игровой компьютер «Gameprofit», модель C1288, цвет синий.

Кресло типа «Колыбель», модель EC55-PRO, цвет черный.

Меч одноручный, не ниже пятого уровня, легкий.

Полные доспехи не ниже пятого уровня, легкие, незаметные.

Максимально возможное значение личностных характе-

ристик персонажа, повышенный уровень восприимчивости, повышенный уровень индукции, возможность мгновенно перемещаться из одной точки Мира в другую.

И преданный Цербер…

Насчет последнего пункта у Танка были некоторые сомнения. Он знал, что технология эта не вполне отлажена, и боялся возможных осложнений. Но когда еще представится такая возможность? Он в жизни не соберет нужной суммы, а корпорация, если она действительно в нем заинтересована, проведет операцию за свой счет…

– Поди сюда, Малыш, – позвал Танк старого сенбернара, лежащего на диване. Пес поднял голову, посмотрел на хозяина умными глазами, открыл пасть, словно хотел сказать что-то.

Но промолчал.

– Ну ладно, лежи, – разрешил Танк. И, подумав еще, выделил жирным шрифтом последний пункт своих требований.

1

Два дня Глеб и Ирт шли через лес, выдерживая направление по солнцу и звездам, по муравейникам и мху на деревьях. Несколько раз они выходили на дороги, но дороги вели куда-то в сторону, и путешественники были вынуждены вновь возвращаться в чащу.

Они практически не спали. Ирт привык обходиться без

сна – так, по крайней мере, он говорил, а Глебу спать просто не хотелось. Иногда, правда, накатывала какая-то слабость, как тогда, после схватки с упырями, и Глеб закрывал глаза, забывался на пару минут. И ему начинало казаться, что сейчас – вот-вот – он покинет этот мир и очнется в реальности, но…

Пара минут – Глеб открывал глаза и видел все то же: ночь, костерок, черные силуэты близких деревьев, и Ирт, жарящий на пруте то ли крысу, то ли лягушку.

Раб был неприхотлив в пище. Он ел все, что не было ядовитым; даже кору некоторых деревьев, какую-то траву и семечки из сосновых шишек.

– На рудниках, – рассказывал он, – лучшим лакомством были личинки земляной мухи – серые червячки, сладковатые на вкус. За двух таких червячков можно было выкупить дневную норму выработки: ты отдыхал, а твой должник работал за тебя… Да, бывает, что и рабу кто-то прислуживает…

Ночами они беседовали, потому что им больше нечем было заняться. Глеб вспоминал свое прошлое, выстраивал воспоминания в хронологическом порядке, восстанавливал причинно-следственные связи между полузабытыми событиями, вслух проговаривал свои мысли, соображения, выводы. Ирт слушал спутника не перебивая и даже с интересом, но едва Глеб замолкал, начинал говорить о своем: о рабстве и свободе, о еде и голоде, о героях и простых людях. Начи-

ная с чего-то конкретного, Ирт скоро переходил на общее: он любил порассуждать о глобальном.

Когда начинало светать, товарищи умолкали, поднимались, затаптывали костер и покидали место привала. Дальше они шли, практически не разговаривая, стараясь не шуметь.

Они были настороже.

Они знали, что скоро что-нибудь случится.

Этот мир не был предназначен для спокойной жизни.

2

На третий день пути, примерно в полдень, они вышли к небольшой лесной речке. Разом повеселевший Ирт забрал у Глеба копье, пообещав вернуть его минут через десять, и, разувшись, прыгнул в рыжую от торфа воду.

Глеб сел на корягу, наблюдая за рабом. А тот, закусив губу, медленно брел по течению, опустив наконечник копья в воду и высматривая что-то в гуще водорослей. Вот он приостановился, потянулся вперед, застыл, глядя в одну точку, перестав дышать, – и ударил. Вскипела вода, Ирт завопил, прыгнул, толкая копье перед собой, перехватил его, поднял, выхватив серебристую рыбью тушу, швырнул на берег.

– Ого! – Глеб приподнялся, бросился к добыче. В рыбине было, наверное, килограмм восемь, она скакала в траве, брызжа чешуей, и копье прыгало вместе с ней. Глеб упал на рыбу, схватил ее, подцепил за жабры, потащил в сторону,

подальше от реки.

– Повезло! – возбужденный Ирт выбрался на берег; он скакал вокруг напарника, высоко задирая колени, размахивая руками, словно камлующий шаман. – Вот повезло!

– Откуда ты знал, что она там стоит?

– Да не знал я! Я думал щучку найти, они часто в такой траве попадаются. А потом гляжу! Во! Я аж испугался!

Глеб выдернул копье из рыбьего бока, несколько раз воткнул его в землю, счищая слизь и кровь.

– Сегодня хоть поедим нормально.

– Да тут и на завтра останется.

Они еще какое-то время обменивались впечатлениями, любуясь не желающей умирать рыбой, и лишь когда она затихла, успокоились и они.

– Засиделись, – сказал Глеб. – Пора бы дальше.

– Сейчас… – Ирт огляделся, приметил в стороне какой-то куст, шагнул к нему, вытащил из-за голенища сапога небольшой кинжал с меткой Ордена Смерти на рукоятке, срезал несколько прутьев, сноровисто их ободрал, быстро сплел из длинных полос коры подобие веревки, покрутил ее, подергал, пробуя на прочность. Потом сделал петлю, затянул ее на хвосте рыбины, закинул добычу на плечо.

– Теперь пошли.

– А не тяжело? – спросил Глеб. – Давай хоть молот понесу.

– Нормально, – сказал Ирт. – Когда-то я разгружал баржи. Там тяжести были не чета этому…

3

Речка петляла. Путники то отдалялись от нее, то вновь к ней выходили. И каждый раз когда они встречались, людям становилось чуть радостней, словно не реку они увидели, а старого товарища.

Речка стала их компасом, их поводырем. Она подсказывала, что они не сбились с пути, не заплутали. В любой момент она могла и накормить их, и напоить, и защитить от хищных зверей, что наверняка здесь водились. Она журчала на перекатах, словно песню пела, и самая тихая чаща оживала от этой песни, и самый дремучий лес становился светлей, если рядом блестела вода.

– Наверное, она бежит к морю, – сказал Ирт.

– Как и мы, – отозвался Глеб.

Близился вечер. Макушки деревьев золотились, и небо за кронами светилось синевой, но внизу уже темнело.

Лесу не было видно конца. Он то редел, и тогда товарищам казалось, что деревья вот-вот расступятся, то вновь сгущался, и тогда бурелом лез под ноги, а стволы порой смыкались настолько плотно, что меж ними можно было лишь протиснуться, развернувшись боком. Редкие полянки радовали глаз яркими цветами – ромашками и васильками, иван-чаем и огнецветом; глухие ельники пугали тишиной и мраком – иногда в тиши словно кто-то вздыхал, и тогда тяжелые

еловые лапы вздрагивали и качались, роняя отмершие иглы на усыпанную мертвой хвоей землю. В осинниках, наоборот, было шумно: гремучая листва трепетала от малейшего дуновения, и казалось, что лес волнуется, недовольный людским вторжением, и перешептываются, замышляя что-то, деревья.

Ирт уже не напоминал, что знает эти места, не говорил, что лес вот-вот кончится. Теперь он сам не был в этом уверен.

Сколько им еще предстояло пройти?

И что, если Шон Железный Кулак их обманул? Направил не в ту сторону, может быть даже отправил в ловушку…

– Надо было идти дорогами, – пробормотал Ирт, споткнувшись о поваленное дерево. – Дальний путь не всегда самый долгий.

– Посматривай по сторонам, – сказал ему Глеб. – Увидишь подходящее для ночлега место, скажи. Остановимся, перекусим, отдохнем…

Как назло, под самый вечер они забрели в болото. Под ногами покачивались травяные кочки, хлюпала ржавая вода, мошкара лезла в ноздри и рот, донимали комары-кровососы. О том, чтобы здесь заночевать, не могло быть и речи. А темнело с каждой минутой.

– Быстрей, – подгонял Глеб Ирта, посматривая вверх, на кроны, на небо. – Не отставай…

Они снова вышли к реке, и вновь ей обрадовались. На противоположном берегу болота не было, там росли сосны,

а деревья эти, как известно, избытка влаги не терпят. Оставалось лишь перебраться на ту сторону, но река здесь разлилась широко, вода чернела глубиной – вброд не перейти, а переплыть со всей ношей не представлялось возможным.

– Что будем делать? – повернулся к напарнику Глеб.

– Когда-то я работал плотогоном, – пробормотал Ирт, озираясь. – Сейчас что-нибудь придумаю… – Он снял сапоги, разделся, сложил вещи на земле, шагнул с берега в воду, погрузившись сразу по грудь. Охнул, ухватился за торчащий из земли корень, сказал: – Дно топкое…

– Ладно, выбирайся, дойдем по болоту, – Глеб протянул товарищу руку. – Кончится же оно когда-нибудь.

– Да ничего страшного, я сейчас… – Ирт отпустил корень, оттолкнулся ногами от берега, нырнул, поплыл на противоположную сторону – быстро поплыл, практически не шевеля конечностями, ввинчиваясь в воду словно тюлень или выдра какая. И Глеб подумал, что не удивится, если вернувшийся раб признается, что когда-то он был ныряльщиком за жемчугом…

Ирт вернулся минут через двадцать, пригнал небольшой плот из трех бревен, связанных то ли лыком, то ли мочалом.

– Раздевайся, – велел он Глебу. И поинтересовался. – Плавать умеешь?

– Да вроде бы.

– Будем держаться за бревна и толкать их… – Ирт, выбравшись на берег, перетаскивал свое немногочисленное

имущество на плот. – Только не сильно налегай, связал я не очень надежно…

Глеб разоблачился, аккуратно сложил кожаный доспех, пристроил меж бревен копье и прыгнул в воду, зная, что здесь глубоко у самого берега, а дно вязкое. Вода ожгла холодом, дыхание перехватило, и Глеб невольно охнул, ругнулся, судорожно схватился за скользкие бревна.

– Под берегом ключи, – сказал ему Ирт. – Потому и болото…

Уже на середине реки Глебу вдруг подумалось, что в этом тихом омуте могут водиться какие-нибудь твари, похуже чертей из поговорки. Представилось, как когтистая лапа поднимается сейчас со дна, тянется наверх, к поверхности, где бултыхаются два человека. И огромный выпуклый глаз пялится из тины…

Глеб чертыхнулся и сильней заработал ногами.

4

– Ну-ка, Богоборец, повернись, – в голосе Ирта прорезались покровительственные нотки, и Глебу это не очень нравилось. – Пиявок-то сколько насобирал!

Они не торопились одеваться – сохли. После ледяной воды воздух казался теплым, словно махровый халат, только что снятый с горячей батареи отопления.

– Ненавижу этих тварей… – Ирт короткой палочкой ско-

выривал с Глеба разбухающих на глазах пиявок и отбрасывал их подальше. – Помню, работал я на торфяных болотах, стелил гать. Так их там было больше чем комаров. Ох, попили они у меня тогда кровушки…

– Что-то сейчас на тебе ни одной не видно, – ворчливо сказал Глеб.

– А работал на болотах старичок один, колдун из местных, он-то меня и заговорил. Теперь ко мне ни одна такая тварь не пристает… – Ирт подцепил пиявку, присосавшуюся у Глеба меж лопаток, точно в центре Знака Богоборца.

– Больно! – вскрикнул Глеб и резко повернулся.

– Извини, – немного растерялся Ирт. – Но я ничего особенного не сделал.

– Нажал сильно.

– Да нет. Не сильней, чем обычно.

– Ну, не знаю… Кольнуло, словно раскаленной иглой.

– Ладно, попробую осторожно…

Глеб снова повернулся к Ирту спиной, и раб аккуратно подсунул заостренную палочку под черное тело пиявки, чуть нажал.

Глеб зашипел, плечи его напряглись, голова дернулась.

– Сейчас… – шепнул Ирт, пытаясь подцепить пиявку. – Сейчас… – Тельце паразита растянулось, темная кровь заструилась по коже Богоборца. – Потерпи… – Ирт резко дернул рукой, и жирная пиявка, кувыркаясь, улетела в кусты.

А Глеб, всхлипнув, покачнулся и начал падать…

5

На экране вспыхивали огненные буквы: «Доступ закрыт». Они пульсировали равномерно, в такт биению сердца, и зеркала старого трельяжа повторяли их бессчетное множество раз: «Доступ закрыт».

Запотевшее оконное стекло, отражая алые буквы, уродовало их, размывало, и бегущие ниточки воды казались подтеками крови.

Игра закончилась.

Жизнь завершилась.

Глеб застонал и открыл глаза.

Он думал, что увидит беленую плиту потолка с круглым плафоном светильника, но увидел темное небо, кроны деревьев и растерянное лицо Ирта.

– Я все еще здесь?

– Ты потерял сознание на несколько секунд.

– Но мне показалось… – Глеб осекся.

Это был сон. Вернее, видение. Картинка из памяти, обрывок воспоминания.

Показалось…

– Я ничего не сделал, – виновато проговорил Ирт. – Я сдернул с тебя очередную пиявку. И ты упал.

Глеб сел, поводил плечами, чувствуя неприятный зуд меж лопаток. Спросил:

– Пиявка была на Знаке? На этой круглой штуковине у меня на спине?

– Да.

– Так, может, все дело в нем?

– У тебя там глаз, – помедлив, сказал Ирт. – Пиявка присосалась к нему.

– Глаз… – Глеб завел руку за спину, с опаской почесал зудящее место, нажал чуть посильней и почувствовал боль. – Чертов глаз на спине. Откуда он взялся?

– Тебя таким создали.

– Никто меня не создавал! – Глеб схватился за тонкую березку, поднялся рывком, сломав деревце. – Я человек! Никто не может создать человека! Только бог! И больше никто! Бог!

– Да, – спокойно сказал Ирт. – Тебя создали боги. Но ты не человек. Ты – Богоборец…

Глеб поперхнулся слюной, закашлялся. А Ирт продолжал говорить:

– Человек – это я. У меня нет Знака на спине, и меня ничто не гонит по миру. Я знаю о себе все, и знаю, что есть вещи, о которых мне знать не положено. Но ты не такой. Ты ищешь себя, ты хочешь узнать больше, чем тебе положено знать. Ты – Богоборец.

– Вот что… – откашлявшись, Глеб немного успокоился. – Прекращай свою доморощенную философию, собирай вещички, и двинем дальше, пока совсем не стемнело. И запом-

ни: меня ничто не гонит. Я иду, куда сам пожелаю. А что касается бога… Бога не существует. По-крайней мере, я в него не верю…

6

Они не ушли далеко: река повернула, деревья чуть расступились, и гул рукотворного водопада заглушил все прочие звуки.

– Плотина, – сказал Глеб. – Теперь понятно, почему река здесь так разлилась.

Деревянная опалубка плотины почернела, словно обуглилась – но это не огонь опалил крепко сбитые доски, а вода выморила, закалила дерево до каменной прочности. Пенящийся поток бежал по широкому лотку и рушился на покатый горб огромного – в два человеческих роста – колеса, ощетинившегося лопатками.

– Мельница, – сказал Ирт. – Когда-то давно я работал на одного мельника. Хорошее было время.

Возле колеса к плотине лепился невысокий бревенчатый домик, вытянутый, словно конюшня. Он стоял на небольших сваях, будто на коротких кривых ногах, кособочился немного, словно устав стоять ровно. Маленькое окошко, обращенное к лесу, светилось, и это означало, что в доме кто-то живет.

– Зайдем? – спросил Глеб.

– Зайдем, – сказал Ирт.

Будь чуть светлей, они, возможно, обратили бы внимание на то, что трава вокруг не выкошена, не примята, что здесь нет ни одной тропинки, а лопухи и крапива подобрались к самому крыльцу, словно осадив дом. Возможно, путников насторожило бы и то, что мельница стоит в глухом лесу, а к ней нет подъездного пути.

– Может, сегодня наконец-то нормально поедим, – сказал Ирт.

– А ты, вроде, особо и не голодал, – усмехнулся Глеб.

Дверь была не заперта: то ли хозяин никого не боялся, то ли просто не думал, что кто-то может появиться в этой глуши.

– Эй! – крикнул Глеб в темную прихожую. – Гостей не ждете? – Ему показалось, что он что-то услышал: то ли осторожный смешок, то ли приглушенный кашель. – Можно к вам?

Не получив ответа, Глеб повернулся к Ирту:

– По крайней мере, возражений не было.

Они вошли в дом, оставив уличную дверь открытой, чтобы хоть что-то видеть в темном, лишенном окон помещении. Не сделав и двух шагов, Ирт налетел на ведро, стоящее посреди прихожей, – оно покатилось, грохоча жестью, и Глебу вновь почудилось, что рядом кто-то тихо рассмеялся.

– Слышал? – повернулся он к напарнику.

– Еще бы, – отозвался Ирт. – Такой шум подняли.

– Я про смех.

– Чего? Какой смех?

– Не знаю… – Глеб крепче сжал копье, поправил меч, висящий на боку в веревочной петле, огляделся внимательней. Он уже неплохо видел в темноте, то ли глаза привыкли, то ли снова проявились умения Богоборца. Спрятаться в прихожей было негде: возле стены лежал на боку бочонок, какие в деревнях используют для квашения капусты, засолки грибов и огурцов; на железном крюке висела старая одежа и сопревшие вожжи; в углу стояло коромысло, похожее на богатырский лук без тетивы, рядом валялся сломанный ухват. – Не знаю, – повторил Глеб и поспешил открыть дверь, ведущую в жилую часть дома.

– Эй! – крикнул он опять, переступая порог. – Есть здесь кто?

И снова ему никто не ответил, только по потолку прошуршало что-то – словно мыши разбежались.

– Должно быть, хозяин вышел, – громко предположил Глеб.

В просторной комнате было светло. Над столом, стоящем в центре, висела на цепи зажженная масляная лампа. Еще одна точно такая же лампа горела в глубине большого зеркала, и маленькие тусклые огоньки теплились в темных стеклах окошек. Светился выбеленный печной бок, светилась деревянная, словно только что обструганная мебель, светилась чистая белая занавеска, закрывающая вход на кухню.

Глеб и Ирт довольно долго топтались у порога, дожидаясь возвращения хозяина, потом переглянулись, аккуратно сложили свое немногочисленное имущество, разулись и прошли к столу.

– Странно как-то, – сказал Ирт, присаживаясь на краешек стула. – Если он вышел, то почему мы его не встретили?

– Лес большой. – Глеб тоже хотел сесть, но передумал. Какое-то необычное чувство не отпускало его, не давало покоя.

– Кто же на ночь глядя в лес ходит?

– Ну, не знаю… Мало ли дел может быть у человека? Может, он за водой ушел?

– А может и не ушел, – сказал Ирт.

Глеб нахмурился:

– То есть?

– Может, его здесь нет и никогда не было.

– А лампа?

– Ты что, не знаешь, что в Мире бывают странные вещи?

Глеб хмыкнул – возразить было нечего.

– Значит, мы можем здесь хозяйничать? – спросил он полушутя.

– Может быть… – Ирт пристально смотрел в зеркало, висящее на стене. – Может быть… Но, кажется, здесь есть еще одна дверь…

– Что? – не расслышал Глеб. – Чего ты там углядел? – Он подошел к зеркалу, провел пальцем по его массивной раме, щелкнул ногтем по стеклу – по своему носу.

– Ничего не замечаешь? – спросил Ирт.

– Нет.

– Лампа.

– Что – «лампа»?

– Качается.

Глеб посмотрел в зеркало. Действительно, лампа чуть покачивалась и едва заметно вращалась.

– И что?

– А наша лампа неподвижна, – сказал Ирт. – И дверь. Смотри на дверь. Там она немного приоткрыта, видишь щель? А наша…

Глеб обернулся, посмотрел на дверь, пригляделся к лампе. И почувствовал, как мороз пробежал по коже.

Действительно, лампа висящая над столом была абсолютно неподвижна. А дверь плотно прикрыта – он сам ее закрывал.

– Что это значит? – спросил Глеб вдруг севшим голосом.

– Здесь живут мирры, – шепотом ответил Ирт.

– Кто? – Глеб отступил от зеркала, догадываясь, что оно может быть опасным.

– Мирры, – повторил Ирт и протянул руку к светильнику. Он легонько его толкнул – и серые тени качнулись на стенах, закружились в медленном хороводе.

– Смотри внимательно, – велел Ирт и кивнул на зеркало.

Глеб повернулся.

Какое-то время в *той* комнате ничего не происходило. А

потом вдруг что-то живое и стремительное метнулось по потолку, коснулось *того* светильника – и он закачался, закружился, повторяя движение своего реального двойника.

– Мирры, – прошептал Ирт, – живут во всех зеркалах и следят за отражениями. Обычно они безопасны, но иногда… если зеркалу показать такую вещь, которую оно не сможет отразить… и которое не смогут повторить мирры… Тогда они сходят с ума… и переходят на нашу сторону… А тот, кто посмотрелся в такое зеркало, сам может обернуться миррой, а его настоящее тело тут же перенесется на ту сторону зеркала…

– Я посмотрелся, – сказал Глеб. – Я только что видел свое отражение.

– У живого не бывает отражений. Это была мирра, принявшая твой облик. Возможно, вы уже поменялись. Возможно, настоящий ты сейчас внутри зеркала.

Тихий смех слетел с потолка, и Глеб вскинул голову, перехватил копье.

– Они нападают? – Он ничего не видел, только тени.

– Нет. Они не смогут тебе навредить, пока ты не посмотришь в зеркало.

Глеб с трудом поборол искушение глянуть на свое отражение.

– А если я – уже не я?

– Подойди к зеркалу, и, возможно, ты снова станешь собой.

– Но как узнать, где настоящий я?

– Никак! – развел руками Ирт. – Мирра копирует тебя полностью.

– И она думает как я?

– Да. И считает, что она – это ты.

– Так не все ли мне равно, мирра я или нет?

Ирт посмотрел на Глеба, словно на докучливого ребенка.

– Если зеркало разобьется, мирра исчезнет. А ты останешься навсегда – там, в зазеркалье…

Ирт сходил на кухню, вернулся с большим полотенцем, подобрался к зеркалу сбоку, завесил его. Незримые мирры заворчали зло, застучали по стенам и потолку; покачнулся успокоившийся было светильник, моргнул, померк; скрипнула дверь, приоткрылась – и хлопнула с такой силой, что задребезжали оконные стекла.

– Не обращай внимания, – сказал Ирт, заметив, как напрягся Глеб. – Теперь они нам ничего не сделают.

– Ты уверен?

– Конечно, – Ирт закрепил полотенце, связав его углы веревкой. – Мы недостаточно долго отражались в этом зеркале, чтобы мирры могли получить над нами какую-то власть.

– Но превратиться в меня они могли, – криво усмехнулся Глеб.

– Могли. Но тогда тем более не о чем беспокоиться – хуже тебе уже не будет.

– Да уж…

Убедившись, что зеркало надежно закрыто, Ирт успокоился: он словно не замечал скользящих на периферии зрения теней, не видел, как сами собой двигаются мелкие предметы, не обращал внимания на шумы и невнятное злое бормотание. Кажется, Ирт действительно считал, что ничего плохого с ними здесь не случится. Глеб в этом не был уверен.

– Давай-ка отсюда выбираться, – сказал он.

– Зачем? – удивился Ирт. – Ночь на дворе. Сейчас растопим печь, приготовим нашу рыбину, поедим, передохнем, а уж на рассвете двинемся дальше.

– Какой тут отдых…

– Да ты не дергайся. Мирры сейчас сами напуганы, мы от них зеркало спрятали, слышишь, как ругаются. – Ирт улыбнулся. И вновь Глебу в голосе Одноживущего раба послышались нотки то ли снисходительности, то ли превосходства…

7

От печи веяло сухим жаром; пахло горячей пылью и раскаленными кирпичами. Под стеклянным колпаком светильника трепыхался огонек, похожий на алую бабочку.

– Хорошо! – с чувством сказал Ирт и откинулся на спинку стула.

Они съели всю рыбину, хотя сперва Глеб не верил, что это возможно. На столе остались лишь рыбья голова, куча костей и плавников.

– Ты, Богоборец, как знаешь, а я сегодня планирую выспаться… – Пока готовился ужин, Ирт перерыл весь дом и натаскал к печи груду старого тряпья. На кровати спать он отказался, сказал, что крепче будет спать на полу, что в матрасе могут водиться клопы, и что Богоборцу это ложе подойдет больше, да и привычней оно ему будет. Глебу замечание про клопов не понравилось, но возражать он не стал – тем более, что ночь он планировал провести бодрствуя. И не только из-за мирр, немного уже успокоившихся, но и потому, что попросту не хотел спать.

Не умел…

– Спи, – сказал Глеб. Он, от усердия прикусив язык, острым ножом резал кириллические буквы на древке копья. – А я посижу, закончу сейчас, потом книжку почитаю. Может и вздремну.

Книжку нашел Ирт, когда копался в большом сундуке, стоящем за печью. Тяжелый том в потертом кожаном переплете не был озаглавлен, а первые листы его были выдраны. Потому товарищи не смогли понять, о чем была эта книга и кому она предназначалась. Иллюстрации, на которые наткнулся Глеб, бегло пролистав фолиант, не прояснили ровным счетом ничего: на одной была изображена какая-то травка с причудливым толстым корневищем, похожим на человека; на другой было нарисовано кошмарного вида чудовище, вылезающее из яйца; на третьей – вытянутый череп с четырьмя глазницами и острым рогом на лбу. Были и еще

какие-то картинки, но Глеб не стал их разглядывать – более близкое знакомство с книгой он отложил на потом.

– Знаешь… – Ирт встал, отодвинув стул, подошел к печи, прислонился спиной к ее теплому боку. – Когда-то я мечтал, что стану свободным человеком. Но однажды понял, что свободы не бывает, что любой человек в той или иной степени раб. И получить свободу нельзя, можно лишь сменить форму рабства.

– К чему это ты?

– Все мы рабы, – многозначительно сказал Ирт и улегся на груде тряпья. Потянулся, зевнул, закрыв рот ладонью. И закончил свою мысль: – Все мы равны, и рабы, и хозяева… – Он еще раз зевнул, повернулся лицом к печи, зарылся ногами в тряпье, буркнул что-то, возможно, пожелал Глебу спокойной ночи, и почти сразу захрапел.

– И ведь кто-то набил твою голову этой ерундой… – Глеб помолчал, глядя на спящего товарища. А потом добавил негромко: – Или ты действительно сам до этого додумался?..

Он и раньше удивлялся тому, насколько разумными кажутся Одноживущие. Общаясь с ними, он порой забывал, что говорит с программами. Их разум был симуляцией – он понимал это, но это не мешало ему разговаривать с компьютерными персонажами так, как если бы они были настоящими людьми.

Но что, если их адаптивные алгоритмы однажды адаптировались так, что перестали быть просто алгоритмами? Что

если их алгоритмический *рассудок* превратился в *разум?*..

Неужели Шон Железный Кулак прав?..

Глеб вновь вспомнил о том, что и сам может оказаться такой вот разумной программой с ложными или чужими воспоминаниями, и велел себе подумать о чем-нибудь другом.

Только не думай о белой обезьяне…

Он невесело усмехнулся, вспомнив старую байку о Ходже Насреддине, и придвинул к себе фолиант.

Чтение – лучший способ занять мысли…

Первые строчки Глеб бездумно пробежал глазами, но потом зацепился взглядом за слово «мирра» и стал читать внимательней.

Книга утверждала, что легенды о миррах не вполне правдивы. Мирры – сущности отражений – не могут явиться сами, их можно только вызвать, открыв портал в зазеркалье. В качестве портала может использоваться любое зеркало. Его необходимо трое суток выдержать в абсолютной темноте – тьма – это единственное, что не может отразиться в зеркале. А потом, использовав заклинания «Стеклянная Дверь», «Призыв Сущности» и «Отражение», маг должен начертать руническое слово «тьма» и полить зеркало водой, взятой из семи ключей.

Глебу названия заклинаний ничего не говорили, и магией рун пользоваться он не умел, хотя и представлял, как это выглядит со стороны. Но читать все равно было интересно, тем более, что дальше пояснялось, как можно использовать бес-

полезных, вроде бы, сущностей в бою со сколь угодно сильным противником…

После всех манипуляций, сообщала книга, зеркало превращается в портал, открытый для мирр. Держать при себе такое зеркало опасно, поскольку мирры могут повредить предмет, которое долгое время отражается в нем, и могут поменять местами существо и его отражение. Поэтому в книге рекомендовалось прятать зеркало в чехле, и делалась оговорка, что чехол надлежит менять каждые три дня.

С помощью мирр можно уничтожить любое существо, утверждала книга. Для этого необходимо, чтобы существо отразилось в зеркале-портале и превратилось в мирру. Затем надлежало разбить зеркало, и тогда мирра, принявшая облик существа, немедленно исчезнет, а само существо навсегда останется в зазеркалье. На Двуживущих, впрочем, магия зеркал не действовала, поэтому книга рекомендовала использовать мирр для уничтожения всевозможных чудовищ.

Далее приводились математические выкладки об эффективности такого оружия. Глеб бегло просмотрел формулы, но мало что понял – только то, что вероятность подмены отразившегося отражением зависит от множества факторов и составляет примерно 15—20%.

«Значит, – сделал вывод Глеб, – восемьдесят процентов, что я остался собой. При условии, что я действительно Одноживущий.»

Он с новым интересом глянул на занавешенное зеркало.

И мирры, словно почуяв, о чем он подумал, зашумели, завозились под потолком, вновь качнули светильник, зазвенели цепью, уронили прислоненную к стене лопату.

Глеб уже не обращал на них внимания. Он, не читая, пролоснул несколько страниц, заинтересовался небольшой иллюстрацией, на которой был изображен уродливый лысый карлик. «Брауни» – была подписана картинка. Текст ниже пояснял, что брауни – домашние духи, иногда добрые, но чаще вредные. Вызвать их можно только находясь внутри помещения, магу они подчиняются с неохотой, и проку от них почти никакого…

Судя по всему, книга была пособием по магии призыва – редкой разновидности волшебства, когда боевой маг, вместо того, чтобы сражаться самому, насылал на противника всевозможных существ и сущностей…

«Демон Эдж» – вызывается в лунную ночь, продолжительность существования – девять часов; не восприимчив к огню, может парализовать противника взглядом; атакует, используя клыки и когти.

«Нага» – змея-оборотень, ядовита, плюется ядом; в человеческом облике двигается стремительно, касания ее смертельны; ее кровь разъедает оружие и доспехи; ее дыхание отравляет воздух.

«Локк» – сын земли и воды, грязевой великан, поднимается на пашне во время дождя, если трижды повторить заклинания «Призыв Сущности» и «Оживление Неживого»;

не восприимчив к магии воды и к магии земли; способен замедлить передвижение противника; существует, пока не высохнет, потом рассыпается в пыль.

«Зог» – ожившая тень; ослепляет противника, но не способна причинить физический вред.

«Шелхот» – душа утопленника; поднимается со дна и утягивает пловца на дно…

Глеб листал книгу, разглядывая рисунки, бегло просматривая комментарии, не обращая внимания на магические формулы и описание заклинаний – все равно он не мог их использовать, он был воином, а не магом.

«Орхонт» – пожиратель плоти, невидимый паразит; стремительно размножается в теле жертвы.

«Го» – слепой рогатый демон, бросается на любой звук.

«Дендрод» – древесный дух, боится огня и открытых пространств.

«Ульх» – нежить; лишает жертву рассудка и обращает в бегство.

«Богоборец…»

Глеб подумал, что ошибся. Перечитал по слогам, вслух, ведя пальцем по причудливым рукописным буквам:

– Бо-го-бо-рец… – Никакой ошибки!

Он вдруг чего-то испугался, захлопнул книгу, отодвинул ее, встал, заходил по комнате.

Богоборец! В одном ряду с духами, элементалями, демонами и прочими монстрами!

Он уже привык к своему новому прозвищу, смирился, притерпелся, поверил, что он – да! действительно! – Богоборец, а как тут не поверить, если все тебя узнают, все только так тебя и называют, если на спине твоей непонятный знак, и кожа твоя – словно доспех, и сила как у быка!

Но!

В книге!

Среди нежити!..

Глеб стиснул кулаки, подхватил копье, закрутил его бешеной петлей, вонзил в бревенчатую стену, выдернул, ударил в потолок, в пол, отшвырнул стул, царапнул печную кладку, переполошил мирр.

«Не думай о белой обезьяне!..»

В груде тряпья завозился Ирт, закопал голову поглубже, буркнул что-то. И Глеб заставил себя остановиться, опустил копье, сцепил зубы, считая тяжелые удары сердца.

«Я – не Богоборец, – сказал он себе. – Да, со мной что-то случилось. Но я – это я.»

Он с опаской посмотрел на книгу.

«Не демон. Не сущность. Не дух… Человек!»

Он шагнул к столу. Потянулся к фолианту. Положил на него ладонь.

«Глеб – так меня всегда звали. И так меня зовут сейчас.»

Он решительно придвинул книгу, раскрыл ее на середине, нашел страницу, где было написано это слово – «Богоборец». Навис над ней, разбирая мелкую вязь вычурных букв.

«Богоборец» – существо, считающее себя человеком и выглядящее как человек; страдающий демон мщения – выходит из земли, гонимый чувством мести; защищен от оружия и магии, но не абсолютно; уязвим; разумен; стабилен; владеет оружием; способен обучаться. Точная методика призыва неизвестна. Предположительно, поднять Богоборца может лишь Бог, используя магию воскрешения…

Глеб перелистнул страницу и вздрогнул.

Большая иллюстрация изображала человека с какой-то круглой штуковиной над головой – не то короной, не то нимбом. Позади человека чернела яма, возле нее изогнулась петлей грунтовая дорога, а из небрежно намалеванных кустов выглядывали тщательно прорисованные морды двух упырей.

Человек шагал, не замечая опасности.

А Глеб смотрел на его лицо и не мог отвести взгляд.

Точно такое же лицо было у мирры в зеркале.

У его отражения.

У него самого…

Глеб смотрел на изображение Богоборца и видел себя.

8

Ирт проснулся перед самым рассветом. Выпутавшись из тряпья, он потянулся, сел, прислонившись спиной к холодному боку остывшей печи, протер глаза.

Глеб сидел за столом. Перед ним лежала раскрытая книга,

но он в нее не смотрел. Он мял в руках медную кружку. Еще одна кружка – просто медный ком – валялась среди осколков стекла на полу.

Ирт оглядел окна – они были целы.

– Что случилось? – спросил Ирт и понял, что стекло – это разбитое зеркало. – Зачем ты его?

– Теперь я точно знаю, что я – не мирра, – Глеб поднял голову. Глаза у него были красные и опухшие – словно у вампира. – Я – монстр.

– Что? – Ирт удивился. – Ты пьяный? Где нашел выпивку? Мне оставил?

– Я трезвый… – Глеб сжал кулак, окончательно смяв кружку, швырнул ее в стену. – Я трезвый уставший монстр. Я страдающий демон мщения.

– Да что случилось-то?

– А вот посмотри, – Глеб кивнул на книгу.

Ирт подошел к столу с некоторой опаской. Он знал, что многие фолианты заряжены магией, и нужно обладать недюжинными способностями, чтобы заметить ловушку и обезвредить ее. Конечно, он уже брал эту книгу в руки, но, побоявшись, не стал ее открывать. Это сделал Глеб. И, возможно, от этого пострадал.

– И что? – Картинка на Ирта особого впечатления не произвела.

– Сходства не видишь? – Глеб положил голову на стол, повернулся лицом к недоумевающему товарищу, скосил глаза

на иллюстрацию. – А?

Ирт всмотрелся в рисунок внимательней. Узнал:

– Богоборец?

– Он самый. Видимо, меня призвал бог. Но где он? И кто? Епископа больше нет, как я узнал. Неужели он вызвал меня, а потом сгинул?

Ирт поднял опрокинутый стул, сел за стол, подвинул к себе книгу, долго изучал иллюстрацию.

– Видишь в углу значок? – спросил Глеб. – Он такой же, что и у меня на спине?

– Да. Круг, звезда и глаз.

– И надпись. Видишь надпись?

– Да.

– «Creatura Deus…» Это латынь. Мертвый язык… Знаешь, что она обозначает?

– Нет.

– «Создание Божье.» Представляешь? Я – монстр. Креатура.

– Тебя создали боги. Я уже говорил.

– А место на рисунке? Помнишь его? Именно там я и появился. Выбрался из этой ямы. А из кустов появились упыри. Я прикончил их возле дороги – голыми руками прикончил! Раздавил, как каких-нибудь беспомощных котят! Как эту кружку!

– Ты Богоборец, – кивнул Ирт.

– Чушь! – Глеб ударил кулаком по столу, затряс головой. –

Я – монстр! Демон!

– Ты точно не пьяный? – заботливо поинтересовался Ирт.

– Я трезвый… – Глеб захлопнул книгу, схватил Ирта за грудки, подтянул к себе, зашептал, тараща глаза: – Почему? Почему это случилось со мной? И как такое вообще возможно? А? Скажи мне, мистер всезнайка!.. – От него разило перегаром, и Ирт уверился, что Богоборец все же пьян. Но где он взял спиртное?

– Ладно! – рявкнул Глеб и отпустил Ирта, оттолкнул его. – Хватит ныть! Мы выясним, что это за чертовщина такая, и кто за этим стоит. А когда выясним, тогда… Тогда… – Он сжал кулак, вскинул его над головой – и вдруг из побелевших костяшек вырвались острые язычки пламени, лизнули потолок, оставив черные отметины.

Но Глеб этого не заметил. Он по-прежнему считал, что магия – это не его стихия.

9

На рассвете они покинули дом.

Сырой туман затопил лес. Было тихо, ничто не двигалось, только деревья вздрагивали, стряхивая с себя холодную росу, – тяжелые капли сыпались вниз, разбивались о листву и ветки, усеивали траву серебряными брызгами, повисали на нитях паутины искрящимся бисером.

Одежда вымокла сразу. Но Глеб и Ирт не обращали на это

внимания. Он спешили навстречу встающему солнцу, и порой им казалось, что они видят его в просветах меж стволов.

Солнце было круглое и ярко-красное, словно сигнал «стоп» уличного светофора.

Глава 5

Ответ пришел через час.

Его требования были приняты. Технику обязывались доставить завтра утром. Персонаж-болван с требуемыми характеристиками был создан, оставалось лишь подключиться к сервисному порталу и настроить заготовку под себя.

Цербера сразу не обещали, но операция была назначена на среду. Или на любой другой день – как будет удобно…

Танк удовлетворенно хмыкнул, потер руки. Начало обнадеживающее! Похоже, корпорация действительно заинтересована в его услугах. Хотя, если быть честным, что такого может сделать он, чего не могут они? Неужели надеются, что он будет делать вещи, на которые сами они никогда не решатся?

Уж не хотят ли его подставить?..

Танк почесал обритый висок, то место, где завтра на место старого нейроконтактера, на его подложку-сокет, встанет нейроконтактер новый – круглая, стильная нашлепка с крохотным индикатором и сенсором включения…

Что ж, к осторожности ему не привыкать.

А пока можно заняться делом. Сперва списаться с людьми, с которыми в игре происходило нечто странное, представиться, познакомиться, договориться о конферен-

ции, организовать этакий круглый стол. А вернее очную ставку.

Конечно, корпорация их всех уже опрашивала. Но в беседе один на один – в официальной беседе, почти допросе – многое упускается.

А вот если устроить виртуальные посиделки… Как знать, может и выплывет что-то новое, неожиданное. Некий фактик. Зацепка…

1

Река вывела их из леса и указала путь к морю.

– Наконец-то, – сказал Глеб. – А я уж и не верил, что когда-нибудь увижу такое небо.

Небо развернулось над всем миром. Настоящая свобода была там – в вышине среди облаков, рядом с солнцем.

– Да, – вздохнул Ирт. – Дух захватывает.

Они стояли на песчаном обрыве; позади шумели сосны, впереди ветер волновал разнотравье, а под ногами играла на перекате набравшая сил река.

– Присядем? – предложил Глеб. И, не дожидаясь ответа, сел на краю обрыва.

– Присядем, – согласился Ирт и остался стоять.

Они помолчали, любуясь открывшимся простором, высматривая в степи островки перелесков, надеясь увидеть жилье. Далеко впереди темнели какие-то пятна – но дома это

были или что-то другое, путники рассмотреть не смогли.

– Двинем прямо? – спросил Глеб. Он уже привык советоваться с напарником, и научился не обращать внимания на его советы.

– А куда еще?

– Как думаешь, много осталось?

– Не знаю, – честно признался Ирт.

Глеб лег на спину, прищурился, глядя в сияющую синеву неба, на черные росчерки кружащихся птиц.

– Взлететь бы как они, осмотреться, – мечтательно проговорил он.

– Взлетать не обязательно, – отозвался Ирт. – Опытный маг мог бы взглянуть на мир их глазами…

Они долго смотрели на птиц. И не подозревали, что глазами парящих орланов наблюдает за округой длинноволосый человек в шерстяном халате.

2

Они не прошли и двух километров, как Ирт вдруг резко остановился и хлопнул себя ладонью по лбу:

– Ищем дорогу, а она рядом!

– Где? – Глеб не видел ничего, что напоминало бы дорогу.

– Мы куда идем? К морю. А что еще идет к морю?

– Это загадка, да?

– Это река!..

Действительно, все это время они шли по берегу. Разлившаяся река теперь совсем не походила на лесной ручей, через который можно было перейти вброд, а то и вовсе – местами – перепрыгнуть.

– Течение хорошее… – подойдя к воде ближе, Ирт взглядом знатока оценивал буруны, следил за плывущим мусором. – Направление нужное. Почему бы не воспользоваться?

– А где лодку возьмем?

– Зачем нам лодка? Сделаем плот.

– Ну уж нет! Видел я, как ты плоты делаешь. Такой через сто метров развалится.

– Это будет хороший плот, настоящий, вот увидишь. Мы же на нам вдвое быстрее до моря доберемся. И силы сохраним. Да и безопасней будет – по реке-то.

– Ну, не знаю… – Глеб все же сомневался. – И сколько времени тебе надо, чтобы плот построить?

– На двоих-то? За день управлюсь. Если поможешь.

– И говоришь, быстрей доберемся?

– Конечно! Ты глянь, глянь! Течение какое. Нас же понесет, как парусник ветром.

– А ты что, и в парусниках разбираешься?

– Немного. Было дело, в море ходил.

– Рабом?

– А я в этой жизни никем больше побыть и не успел, – усмехнулся Ирт. – Ну, что думаешь, Богоборец? Будем плот рубить? Смотри, впереди как раз перелесок небольшой.

Глеб пожал плечами:

– Срубить, конечно, можно. А там поглядим, что получится, и решим.

– Плот будет надежней, чем земля, – заверил Ирт и хищно оглядел близкий лесочек, определяя, что за деревья там растут. Береза не подойдет – слишком тяжела. Осина тоже. Ива совсем не годится. Лучше что-нибудь хвойное: ель, сосна, лиственница.

– Всего-то и надо восемь бревен. Ну, может, десять. Твой меч, мой топор – инструмент есть…

Топор Ирт прихватил на мельнице. Он много чего там взял: пеньковую веревку, рыбацкую сеть-стенку, фонарь, холщовое полотенце, шило, дратву, шкатулку со швейными принадлежностями, кое-какую посуду – он под завязку набил сумку, рассовал мелочь по карманам, подпоясался полотенцем, повесив на него то, что можно было повесить, заткнув за него топор и широкий тесак. Боевой молот Ирт не бросил, он нес его на плече, привязав к длинной рукояти узел с тряпьем.

Похоже, бывший раб просто не мог пройти мимо бесхозных вещей.

А Глеб из дома мирр взял один-единственный предмет – толстый фолиант, в котором он нашел свое изображение.

3

Звонко и весело звенел топор, врубаясь в смолистый ствол, разбрызгивая янтарную щепу.

Обычно бледный Ирт разрумянился; он тяжело дышал, утирал со лба пот, то и дело сплевывал вязкую слюну.

Валить топором деревья – нелегкая работа.

– Поберегись! – крикнул Глеб, почувствовав, что сосна подалась; он налег на ствол плечом, поднатужился. Хрустнула, затрещала, лопаясь, древесина, качнулись пушистые ветви, роняя сухие шишки и старую хвою. Ирт отскочил в сторону, задрал голову, глядя, как рушится очередной поверженный великан. Выдохнул:

– Уффф… Пожалуй, хватит…

Четыре дерева лежали на земле – три сосны и одна лиственница. Надо еще обрубить все сучья, оголив ровные стволы, а потом расчленить их на бревна. Работы – непочатый край. А солнце уже садится.

– До ночи никак не успеем, – пробормотал Ирт. – С пилой, конечно, быстрей бы вышло.

Они присели на поваленный ствол, передохнули. Глеб осмотрел меч – клинок плохой, сталь некачественная, но заточка хорошая, грамотная, и рукоять прихватистая, удобная. Вряд ли меч выдержит такую работу. Наверное, завтра придется его выкинуть. Да и ладно – останется еще копье. И мо-

лот-клевец у Ирта. И тесак у него же за поясом. И кинжал за голенищем. И шило в сумке.

Глеб усмехнулся.

– Ну что, приступим?

– Давай. Чего тянуть?.. – Ирт встал, поплевал на ладони, взялся за топор. – Нам бы только бревна подготовить. А утром оттащим их к берегу.

– Сделаем. У нас вся ночь впереди. – Глеб махнул мечом, срубил небольшую веточку, провел пальцем по ровному срезу, липкому от смолы. – Управимся….

4

Они работали почти всю ночь, рубили сучья, оттаскивали их к огромному костру, бросали в огонь, ворочали неподъемные стволы, членили их на трехметровые бревна, вырезали пазы, высверливали отверстия, выстругивали деревянные шипы.

За два часа до рассвета Ирт не выдержал, опустил руки, сдался:

– Все, больше не могу.

– Иди, отдыхай, – сказал ему Глеб. – Я доделаю.

– Разметку мою видишь? – на всякий случай уточнил Ирт. – Все понимаешь?

– Да. Не переживай, все будет, как надо.

Ирт лег на груде лапника возле костра, заснул мгновенно.

Глеб чуть передохнул и вернулся к работе.

Он так увлекся, что совсем забыл об осторожности; он не думал о том, что летящий из леса шлейф искр виден издалека, а стук топора в ночной тишине разносится на много километров. Он словно забыл, что находится не в реальном мире, где хищники бегут от звуков, производимых человеком, а в компьютерной игре, где любой шум, напротив, привлекает самых разных созданий, и, чаще всего, от созданий этих не приходится ожидать ничего хорошего.

Сняв кожаный доспех, отложив копье и меч, Глеб орудовал топором и не замечал, что из ночного леса в спину ему смотрят светящиеся зеленые глаза.

Степной шиг – ночное полуразумное существо – наблюдал за человеком. Он не спешил нападать, он знал, что люди, порой, оказываются достойными соперниками. Прочная шкура шига не раз была пробита оружейной сталью. Зазубренные наконечники нескольких стрел навечно засели в его могучих мышцах…

Шиг выжидал. И не замечал, что другой человек следит сейчас за ним…

Когда Глеб отложил топор и выпрямился, шиг вжался в землю, готовясь к прыжку. Он еще не знал, куда прыгнет: на освещенную огнем вырубку или же в темную чащу. Все зависело от действий человека.

Глеб потянулся и зевнул.

Накопившаяся усталость давала о себе знать.

Он хотел спать – закрыть глаза и ни о чем не думать, ничего не чувствовать.

Шиг приподнял зад, выпустил когти, напружинил могучие ноги. Какое-то ничтожное мгновение он еще решал, стоит ли нападать на человека, не ловушка ли это. А потом, забыв о разуме и подчинившись инстинктам, рванулся вперед.

Огромная черная туша бесшумно вымахнула из кустов.

Глеб краем глаза уловил движение, но вместо того, чтобы отпрыгнуть, перекатиться, схватить оружие, он просто повернул голову.

Он не ждал нападения.

Он засыпал – цепенел, как тогда, после схватки с упырями, на месте своего рождения.

Он перетрудился. Растратил все силы.

Его сознание отключалось…

Шиг выбросил перед собой лапы, распахнул пасть – он видел растерянность на лице жертвы, ему уже представлялось, как хрустят человеческие ломкие кости, как соленая кровь брызжет в горло…

Что-то полыхнуло в кронах деревьев. Нестерпимо яркая вспышка заставила шига зажмуриться. И в тот же миг какая-то невидимая сила подхватила теряющего сознание Глеба, отбросила его в сторону.

Ослепший шиг промахнулся. Он упал на место, где только что стоял человек, щелкнул пастью, раскинул в сторону лапы, надеясь зацепить когтями-крючьями невесть куда дев-

шуюся добычу, закрутился, завертелся, поджав хвост, угрожающе взрыкивая, начиная догадываться, что все же угодил в ловушку.

Блистающий шнур молнии сорвался с макушки высокой березы, ударил в зверя, пробил шкуру, выжег сердце и ушел в землю, превратив влажную почву в невесомый пепел. Облачко светящейся пыли повисло над мертвой дымящейся тушей.

Глеб пытался подняться, хватаясь за ствол молодой осинки. Он скрежетал зубами, хрипло рычал, собирая последние силы, удерживая ускользающее сознание.

Черный призрак, развернув широкие крылья, плавно слетел с березы. Запнулся, приземлившись, упал на одно колено перед Глебом, словно присягал ему, выругался, закряхтел, поднимаясь. Буркнул, заметив, что Глеб пытается дотянуться до оружия:

– Расслабься, Богоборец. Я твой друг.

Призрак встряхнул крыльями, и они превратились в полы халата. Он поднял над головой правую руку, щелкнул пальцами – в левой руке появился белый посох.

– Кто ты такой? – пробормотал Глеб, изо всех сил стараясь не дать опуститься векам.

– Твоя добрая фея, – сказал длинноволосый человек и махнул широким рукавом у Глеба перед глазами.

Глаза закрылись.

Глеб покачнулся и стал медленно заваливаться назад.

5

Ирт чихнул и проснулся.

Было позднее утро. Лучи яркого солнца пронзали трепещущую листву. Звонко цынькали синички, отстукивал частую дробь дятел, трещали взбалмошные сороки.

Ирт зевнул, перевернулся на другой бок, и почти уткнулся лицом в плотную шерстяную ткань.

– Что ты меня не разбудил? – спросил он, думая, что это Глеб сидит, повернувшись к нему спиной. – И где достал этот плащ?

– А я его никогда не снимаю, – голос был незнакомый, и окончательно проснувшийся Ирт мигом вскочил на ноги.

– Кто вы?

Человек в шерстяном халате медленно повернулся, многозначительно кивнул на белый посох, лежащий рядом:

– Догадайся сам, Одноживущий.

– Маг?.. – Ирт завертел головой, ища свой молот, или топор, или тесак. Оружия не было. Вспомнив о кинжале, Ирт резко наклонился, сунул руку за голенище – кинжала там не оказалось.

– Оружие ищешь? Я его спрятал на всякий случай. Мало ли что ты сдуру натворишь.

Глеб лежал возле ног незнакомца и не подавал признаков жизни.

– Что ты с ним сделал?! – Ирт выхватил из потухшего костра увесистую головешку, которая вполне могла сойти за дубинку.

– Я? Ничего… – Маг небрежно махнул рукой, щелкнул пальцами, и головешка рассыпалась в труху. Ирт растерянно захлопал глазами. – Богоборец спит. Устал, свалился с ног. Ты что, никогда не видел его спящим?

– Что тебе надо, маг?

– Позволь, сперва я задам несколько вопросов. Кто ты такой, Одноживущий? Почему идешь вместе с Богоборцем? И – самый главный вопрос – куда?

Неизвестный маг враждебности не проявлял, и Ирт несколько успокоился. Он понимал, что, желай маг прикончить их, он сделал бы это, пока они спят. С другой стороны, может он хочет что-то у них выпытать? И лишь узнав…

– Ничего тебе не скажу, – заявил Ирт.

– Упрямство твоя главная черта? – хмыкнув, спросил маг.

– Что?

– У большинства Одноживущих есть одна главная – ведущая – черта характера. Кто-то жаден, кто-то мстителен, кто-то труслив, кто-то легок на подъем. Некий типаж, понимаешь? Ты упрямец, да?

– Нет.

– Так кто же ты?

– Я – раб, – сказал Ирт и осекся.

– Понятно, – кивнул маг. – Орден Смерти купил тебя для

тренировочных боев, но Богоборец разогнал негодяев и спас тебя от верной смерти. Возможно, вы сражались плечом к плечу. А теперь ты предан ему до мозга костей, ты дал себе клятву, что будешь следовать за ним всюду, и ждать момента, чтобы возвратить долг. Преданность – твоя главная черта. Я угадал?

– Нет.

Маг вздохнул, почесал затылок. Сказал:

– Ладно, отложим классификацию до лучших времен. – Он посмотрел на небо, покачал головой: – У меня куча дел, а я сижу тут и теряю время… Значит, не скажешь, куда вы идете?

– Нет… – Ирт на всякий случай отошел от мага подальше.

– А лес зачем валите? – спросил маг. Судя по интонации, он не надеялся на ответ. Ему просто было любопытно. – Избу решили здесь построить? Для тебя, да? Ты – домосед. Ты жить не можешь без своего дома, ты всегда мечтал обрести свободу и обзавестись хозяйством, вот и уговорил Богоборца помочь со строительством. Ты что-то ему пообещал, да? Я угадал?

– Нет… – Ирт увидел тушу степного шига, осторожно к ней приблизился, ткнул мыском сапога, поморщился брезгливо. – Что это?

– Шиг, – равнодушно откликнулся маг. – Уже почти подмял твоего друга, да на счастье я проходил рядом.

– Шиг? – не поверил Ирт. – Я слышал, они огромные,

словно горы. Их следы превращаются в озера, а вши, что водятся в их шерсти, могут сожрать человека.

– А это карликовый шиг, – ответил маг, усмехнувшись. – Специальная порода для домашнего содержания.

– Что? – Ирт не понял. Юмор Двуживущих почти всегда казался ему сомнительным.

– Ты любознательный, да? Любопытство – твоя главная черта. Потому ты и увязался за Богоборцем.

– Нет.

– Черт возьми! – Маг, кажется, рассердился. – Так почему же ты за ним поперся?

– Не знаю, – честно признался Ирт. – Так уж получилось.

– Ну-ну… Скажи хоть, как тебя зовут.

Ирт поразмыслил. Решил, что если назовет свое имя, то ничего страшного не случится.

– Меня зовут Ирт.

– А я Белиал, – тут же откликнулся маг. – Впрочем, можешь называть меня Хаборимом, Аббадомом и даже Йенло-Вангом – я откликнусь. Но Белиал мне нравится больше других имен. А с Богоборцем я давно знаком. Можно сказать, мы старые друзья, да. Только вряд ли он меня помнит. У него вообще с памятью некоторые неполадки, – Маг выразительно покрутил пальцем у виска. – Понимаешь?

Ирт пожал плечами, отошел от воняющей паленой шерстью туши, пересчитал бревна, внимательно их осмотрел.

Богоборец все сделал как надо.

– А я понял, зачем вам эти бревна, – сообщил маг и довольно потер руки. – Это будет плот, да?.. Река рядом, в пятидесяти шагах, берег пологий, песчаный, течение спокойное, но достаточно быстрое. Так куда вы направляетесь? На восток? На северо-восток? К морю, да? И что вам там надо? Там же нет ничего интересного. Глушь. Что может искать Богоборец? Неужели Епископа? Он спрашивал тебя о Епископе? Он еще не знает, что Епископ мертв?

– Знаю, – Глеб шевельнулся.

– Очнулся! – радостно воскликнул Белиал и, подхватив Глеба под локоть, помог ему занять сидячее положение. – А я уж тут заждался. Подумывал даже вновь вас оставить на время, да побоялся, что опять вы куда-нибудь исчезнете. Я и так вас едва нашел. Впрочем, сам виноват…

– Кто ты? – Глеб хмурился.

– Белиал, твой старый товарищ. Сколько дорог мы с тобой истоптали, Богоборец! Скольких врагов отправили в иной мир!

– Ты ничего не путаешь? – Глеб морщил лоб, пытаясь одолеть головную боль и вялость мысли. – Я не помню такого имени.

– На самом деле у меня множество имен. Хаборим, Абаддом, Аполлион – это тебе что-нибудь говорит? Вряд ли. Ну да ладно, не столь важно. Главное то, что я твой давний знакомый. И я наконец-то тебя нашел.

– Я не знаю тебя… – Глеб оглядывался, высматривая ко-

пье или хотя бы побитый, испорченный работой меч. – Или ты врешь, или…

– Или что-то случилось с твоей памятью, – не дал ему договорить Белиал. – А может и с тобой самим.

– Ты… – подобравшийся Глеб взглянул магу в лицо. – Ты что-то обо мне знаешь?

– Конечно, знаю, мой друг. Говорю же, мы не первый день с тобой знакомы.

– Что ты знаешь? Говори!

– Потом. Не сразу. Сперва я хочу, чтобы ты рассказал, куда идешь. Я знаю – тебя гонит некое чувство. Назовем его неопределенностью. Или неосведомленностью. Ты хочешь найти ответы на множество вопросов, да? Ты немного растерян, ты смущен, ты испуган. Ты не понимаешь, что произошло и что происходит…

Ошеломленный Глеб не мог оторвать глаз от шевелящихся губ мага. А тот все сыпал словами:

– …ты чувствуешь странное, ты видишь странное. Ты сомневаешься в своем существовании, сомневаешься в том, что ты это ты…

Глеб схватил мага за горло, сжал, встряхнул:

– Кто ты такой? Кто?

Острое шило ткнулось магу в спину – это Ирт пришел на помощь Богоборцу. Несколько мгновений ничего не происходило, только лицо Белиала наливалось кровью. А потом он хлопнул в ладоши, и онемевшие пальцы Глеба сами собой

разжались, а стальное шило, превратившись в ледяную сосульку, выскользнуло из руки Ирта.

– Я? – Маг улыбнулся. – Я тот, кто всегда идет рядом с Богоборцем…

6

Сумка Белиала, похоже, была бездонной. Он уже достал из нее круг сыра, кольцо колбасы, каравай хлеба – и все продолжал извлекать провизию: большую гроздь сухого винограда, горшочек с маслом, рыбный пирог, вино в глиняной бутылке.

– Тебе надо восстановить силы, Богоборец, – похоже, маг не умел молчать. – Пища – это энергия. Энергия – это твои способности. Хороший воин и ест хорошо. Это какой-нибудь церковник может брать силу через медитацию, а тебе нужен обычный харч. Вот не поел ты вовремя, поработал немного – и с ног свалился. А если бы не я? Сожрал бы тебя шиг. Жри сам, если не хочешь, чтобы тебя сожрали. И слушай меня, я тебе плохого не посоветую.

Из мешка появились кружки, блеснули начищенными боками.

– Так что давай перекусим как следует, а заодно все и обсудим.

Они сидели возле вновь разведенного костра, окружив расстеленную скатерть – удивительно чистую, богато выши-

тую. Ирт изумленно рассматривал ее; лицо же Глеба было словно каменное – он не хотел выдавать своих чувств. Белиал уже вернул им оружие – указал место, где спрятал его, извинился, еще раз пояснил, что убрал его из предосторожности, намекнул, что однажды уже пострадал в подобной ситуации.

– Ты еще не знаешь, на что способен, – сказал он, подмигивая Глебу. – Вот я и подстраховываюсь на всякий случай. Уж не обижайся…

Последним из мешка появилось раскладное сиденье – металлический каркас с натянутым полотнищем. Белиал отложил сумку, установил стул и сел на него, скрестив ноги.

– Зачем ты его таскаешь? – не удержался от вопроса Глеб. – Он же столько места занимает.

– Не переживай, – Белиал весело ему подмигнул. – В моей сумке может спрятаться шиг. Так спрятаться, что ты его не отыщешь. Она много больше, чем кажется снаружи.

– Волшебная торба, – Ирт оторвал взгляд от великолепной скатерти, посмотрел на неказистую, вроде бы, сумку.

– В этом мире бывают странные вещи, не так ли? – улыбнулся ему Белиал. – Но хватит пока чудес, давайте лучше приступим к завтраку.

Он разлил вино, разломил каравай на три одинаковых куска, положил перед сотрапезниками. Еды было очень много, но Глеб не сомневался, что они легко с ней управятся.

Он был зверски голоден.

– Итак, друзья мои! – торжественно сказал Белиал и поднял латунную кружку, словно это был золотой кубок, инкрустированный драгоценными камнями. – Мы наконец-то встретились, и я предлагаю отметить это событие звоном бокалов!

Звона не получилось – кружки глухо лязгнули.

Запрокинулись головы, в одинаковом ритме заходили по щетинистым глоткам кадыки.

– Амброзия! – выдохнул Белиал.

Вино действительно было славное – бархатистое, нежное, с легкой кислинкой.

– Позвольте, друзья мои, я повторю свой вопрос: какое дело ждет вас впереди? Спрашиваю не из праздного любопытства, а с далеко идущими целями. Как верный спутник Богоборца, я должен знать, какие приключения нам предстоят.

– Сперва скажи, откуда ты меня знаешь? – Глеб не спешил делиться информацией. – И напомни, когда это мы с тобой виделись.

– Это длинная история… – Белиал потянулся у бутылке, взял ее за горлышко. – Но любую длинную историю можно рассказать коротко… – Он улыбнулся, довольный родившимся изречением, наполнил вином пустые кружки. – Ты – Богоборец. У тебя множество жизней. Ты умираешь, как Одноживущий, но возрождаешься подобно Двуживущему. А возродившись, не помнишь ничего из предыдущих жизней. Твоя память хранит лишь некоторые моменты *другой* жиз-

ни, – он интонацией выделил слово «другой», поднял глаза к небу. – И эти воспоминания побуждают тебя отправиться в путь, чтобы понять, кто же ты такой на самом деле.

– Ты знаешь, кто я?

– Ты – Богоборец. Программа. Ты – часть игры. Часть этого мира. Это все, что я могу сказать. Мы знакомы довольно давно, я многое в тебе понял, но еще во многом нам предстоит разобраться. Судя по всему, в Мире начинается некая глобальная игра. Администраторы и модераторы раздают роли, готовят декорации. Ты – заметная фигура. Не пешка. Что за роль тебе отведена? Меня это очень интересует. Ты могучий боец, да. Ты загадочная фигура. И я – признаюсь честно – хочу быть твоим другом. Хочу быть в курсе того, что происходит с тобой. Хочу наблюдать и участвовать. Я всегда рядом, я твой верный помощник, твой советник и летописец… – Белиал подтянул к себе сумку, вытащил из нее какой-то свиток, развернул его, протянул Глебу. – Читай. Узнаешь почерк? Если нет, взгляни на подпись…

Глеб взял пергамент, пробежал глазами по неровным строкам.

Почерк был мелкий – буквы, словно узелки.

А подпись – росчерк, две петли, точка в конце – его подпись.

– Это я написал? – Глеб посмотрел на мага.

– Да. Читай давай…

«Я, Глеб Истомин, известный так же как Богоборец, на-

стоящим письмом обращаюсь к самому себе и подтверждаю, что все, рассказанное магом Белиалом, является чистой правдой, а сам он – человек, заслуживающий доверия, мой друг и проверенный боевой товарищ…»

– Я так не пишу, – сказал Глеб. – Слишком уж высокопарно.

– Я диктовал, – признался Белиал. – Но никакого принуждения не было, не подумай.

Глеб еще раз взглянул на подпись. Да, принуждения не было. Если бы что-то было не так, он не поставил бы эту точку в конце. Точка в подписи – это своего рода маркер, отметка – все в порядке, я абсолютно уверен в том, под чем подписываюсь…

– Сколько раз я уже умирал? – спросил Глеб.

– Насколько я знаю, это шестая твоя жизнь, – сказал маг. – Две были длинные. Три закончилась быстро. Слушай меня, и проживешь долго. Так куда вы собрались на этом плоту?

– На Остров Туманов, – признался Глеб. – Я хочу найти человека, похожего на меня. – Он вкратце пересказал историю, услышанную от Шона Железного Кулака. Поделился некоторыми своими соображениями, напомнил, что тоже не может заснуть. Он не вдавался в детали и не называл имен, он понимал, что для любого Двуживущего история эта выглядит как очередная глупая страшилка, и не хотел быть осмеянным.

Против ожиданий Белиал выслушал Глеба без улыбки и

с интересом.

– Занятно, – сказал маг, когда Глеб закончил говорить. – Значит, Остров Туманов? Почти самый край мира. Скучнейшее место. И самое верное, если хочешь спрятаться от Двуживущих… – Белиал задумался о чем-то, потом тряхнул головой, поднял кружку и громко провозгласил:

– За раскрытие тайн!..

7

После завтрака они вернулись к работе. Белиал помог Глебу перенести бревна на берег реки: он лениво взмахивал руками, и тяжелые бревна поднимались в воздух, всплывали, подобно аэростатам, зависая на высоте полутора метров. Дальше с ними можно было делать все, что угодно – толкать, крутить, переворачивать, нести. На берегу маг хлопал в ладоши, и бревна падали на песок.

– Чем не антигравитация, – усмехнулся Белиал, сбросив последнее бревно. – Такие бы возможности, да в реальном мире.

Ирт занимался постройкой плота, он скреплял бревна по хитрой методике: загонял в вырубленные пазы березовые плашки и клинья, вбивал в отверстия длинные деревянные шипы, оплетал крепления ивовой корой, обвязывал пеньковой веревкой. Глеб поначалу сомневался в надежности плавсредства; он не верил, что построить крепкой плот без гвоз-

дей или скоб невозможно, но, оглядев прочные сочленения и слегка их попинав, решил, что Ирт свое дело знает.

– Когда закончишь?

– Еще часа четыре.

– Помощь нужна?

– Наруби веток с руку толщиной и лапника. Поставим на плоту шалашик. И несколько кусков дерна принеси.

– А это зачем?

– Чтобы огонь разводить. Не на бревнах же…

Глеб вновь направился к лесу, оставив Ирта в компании Белиала. Но маг, похоже, бездельничать на песчаном берегу не собирался.

– Подожди! – Он мгновенно перенесся к Глебу, придержал его за локоть. Словно случайно щелкнул указательным пальцем по копью, которое Глеб старался не выпускать из рук, – и крепкое древко завибрировало, потеплело странным образом. – Поговорить надо.

– Слушаю, – Глеб опустил копье, и ему показалось, что стальной наконечник оставил в воздухе едва заметный, тут же растаявший след.

– Я должен идти, Богоборец, – сказал маг. – Жаль, что не смогу попутешествовать с вами – с детства мечтал сплавиться по реке на плоту. Но ты должен понять – я Двуживущий, у меня *там* куча дел. Да и здесь дел хватает. Научиться бы раздваиваться, может быть, времени больше бы появилось, – он хмыкнул. – В общем, я покидаю вас, но лишь на время.

Вернусь, как только освобожусь. И мы еще поговорим.

– О чем?

– Разве два разумных человека не найдут, о чем поболтать? – Он сделал упор на слове «разумных», а Глебу подумалось, что он предпочел бы услышать выделенным слово «человек». – По мере возможности, я буду присматривать за вами. Двигайтесь к острову. Если не встретимся раньше, то там увидимся точно. И мне хочется взглянуть на загадочного субъекта, имени которого ты мне так и не назвал. Да и где именно он там прячется, тоже не сказал, – Белиал подмигнул Глебу. – Не доверяешь, да? Понимаю. Свалился с небес, старым знакомым себя объявил, бумажку какую-то подсунул…

Глеб молчал. Он не мог ни возразить, ни согласиться – он сам толком не понимал, почему решил не рассказывать магу всего.

– В общем, счастливого пути, Богоборец, – маг махнул рукой, и его фигуру обволок серый туман. Миг – и туман исчез вместе с Белиалом.

Лишь призрачная, полупрозрачная рука осталась на месте – она все махала и махала, болталась из стороны в сторону, словно жутковатый маятник – Глеб какое-то время смотрел на нее, потом отвернулся и направился в лес – рубить ветки для шалаша.

8

Ирт завершил работу несколько раньше обещанного. Плот получился довольно большой, почти квадратный – три метра в длину, два с половиной в ширину. Промежутки меж бревнами Ирт забил ободранными ивовыми прутьями и травой – по плоту можно было ходить, не боясь поскользнуться и подвернуть ногу. Три длинных крепких шеста лежали у правого борта. Подобие весла было закреплено на корме.

Почти час потребовался на то, чтобы поставить на бревнах шалаш. Оплетенный прутьями каркас товарищи покрыли лапником – теперь им было где спрятаться от дождя. Впрочем, у шалаша не было передней и задней стенок, да и сам он был настолько мал, что два человека могли в нем разместиться, лишь высунув наружу ноги. Справа от шалаша были уложены дрова. Слева – толстый кусок дерна, на котором предполагалось разводить костер.

Ирт, кажется, был очень доволен своим творением.

– Ну как? – спросил он с гордостью в голосе.

Глеб разделял его чувство.

– Очень даже!

Используя толстые валежины как рычаги, они спустили плот на воду, отвели его на достаточно глубокое место, сунули один из шестов в специальное отверстие меж бревен, воткнули его в мягкое речное дно, а потом перетащили все

вещи в шалаш и рассовали их по углам. Даже мало на что годный меч, выброшенный Глебом, Ирт подобрал и приволок на борт.

– В путь? – спросил Глеб, выпрыгивая из воды на мокрые бревна.

– В путь! – Ирт выдернул шест, удерживающий плот на месте, перехватил его, уперся в дно, навалился всем своим весом, направляя плот к середине реки, выводя его на течение.

Зачавкала, заплескалась меж бревен вода, заскользили вдоль бортов пенящиеся буруны; медленно двинулись назад берега.

Течение подхватило плот, попыталась его развернуть, но Ирт уже пересел за рулевое весло, сунул в щель тщательно выструганный киль, закрепил его.

– Нам теперь прямая дорога! – крикнул он во весь голос. Ему было радостно, хорошо было; он дышал полной грудью, он развернул плечи, он высоко поднял голову.

Беглый раб вез Богоборца.

Глава 6

Беседа ничего не прояснила.

Не все приглашенные отозвались, и не все включились в разговор. А те, кто активно участвовал в «круглом столе», больше ругались, обвиняя игровые компании – а следовательно и Танка, как представителя корпорации, – в неотлаженности программного обеспечения, в недобросовестной – за счет пользователей – конкуренции, во всевозможном надувательстве, в гонке за прибылью…

Они все получили компенсации за причиненный вред, но сейчас им казалось, что этих денег недостаточно.

Танк, крепясь, долго выслушивал их обвинения и жалобы, пытался перевести разговор на нужную тему. Бесполезно! Встреча кончилась тем, что Танк обозвал собеседников «стадом баранов с куриными мозгами» и отключился.

Все же, кое-что полезное от этой встречи он получил. Воспользовавшись парой специализированных утилит, он просканировал компьютеры собеседников, выудив из них всю информацию, что было возможно. Вряд ли корпорация использовала подобные методы в своей работе – будь она уличена в таких прегрешениях, у нее возникли бы серьезные проблемы.

Полученную информацию еще предстояло проанализировать, а пока Танк решил повести расследование по другому

пути.

Он вернулся на сервер с данными, открыл раздел, на котором была установлена закладка с пометкой «Важно!» и занялся изучением документов.

Он уже видел эти материалы, он обратил на них внимание еще при первом знакомстве с базой данных. Тогда он бегло просмотрел эту папку, оставил закладку и пошел дальше.

«Дело Рональда Филлипса» – так был озаглавлен этот примечательный раздел.

Рональд Филлипс, известный так же как Серый Рыцарь, оказался в пренеприятной ситуации – он застрял в виртуальном мире игры. Почему это произошло, никто толком объяснить так и не смог. Ученые и медицинские светила корпорации вдоль и поперек исследовали его мозг, программисты перелопатили миллионы строк программного кода, специалисты по железу досконально изучили оборудование Рональда – все безуспешно. Гигабайты отчетов и прочего мусора не проясняли ровным счетом ничего. Да, нейрофизиологи отмечали какой-то сбой в каких-то там ритмах, обращали внимание на необычную форму неких мозговых волн, делали неуверенные выводы, что подобная мозговая активность похожа на мозговую активность больных эпилепсией. Да, программисты как обычно отловили кучу мелких ошибок, проанализировали траффик, проследили его маршруты от хоста до хоста, обнаружили некоторые посторон-

ние паразитные пакеты, каких в широковещательных сетях полным-полно. Но никто так и не смог однозначно сказать, что послужило причиной странного сбоя.

Самым удивительным оказалось то, что Рональд Филлипс – человекообразный овощ, подключенный к компьютеру, – в виртуальном мире остался полноценной личностью. Конечно, психологи и психиатры, общавшиеся с ним в игре, отмечали некоторые сдвиги в психике. Но попробуйте остаться нормальным в подобном положении!

Вся информация о происшествии, конечно же, была засекречена. Родным Рональда объявили, что он впал в кому, и кома эта не имеет к игре никакого отношения – так уж сошлось, что мозг отключился в момент, когда Рональд находился в сети – случайность, не более. Но на всякий случай близким выплатили солидную компенсацию. И в срочном порядке подарили квартиру в престижном районе города, подальше от старого места жительства.

Самого Рональда, не отключая от сети, переместили в закрытую клинику. Там он и лежал вот уже почти полтора года – под капельницами, обвешанный проводами, ни живой, ни мертвый. Его изучали, с ним проводили осторожные эксперименты – и все ждали, надеялись, что рано или поздно Рональд проснется. Сам.

Посвященные в тайну администраторы игры присматривали за Серым Рыцарем, стараясь, впрочем, не слишком мозолить ему глаза. Многие ответственные лица, а так же

лучшие специалисты НЛП и опытные психологи, сохраняя инкогнито, ничем не выдавая своего особенного статуса, не раз беседовали с виртуальным альтер эго Рональда, осторожно и ненавязчиво убеждая его спрятаться до поры до времени, не высовываться, не делать глупостей.

Никто не знал, что будет, если Серый Рыцарь погибнет. Возможно, тогда Рональд очнется. Но может получится и так, что вместе с виртуальной личностью погибнет и настоящее тело.

Корпорация не могла рисковать. Каждый новый мертвец обходился ей в миллионы долларов.

А если мертвецов станет слишком много, то и от денег будет мало проку…

Пока же Серый Рыцарь находился на самом краю Мира, в небольшой деревеньке на Острове Туманов. Для Двуживущих это место было неинтересно – об этом специально позаботились творцы Мира…

Танк открыл карту, нашел остров и деревеньку на нем, высчитал координаты…

Он собирался навестить Серого Рыцаря.

Завтра. Сразу, как только привезут и установят технику.

1

С каждым днем река становилась все шире, все дальше

отступали берега, крупнее становилась волна и медленней течение.

Впрочем, и сейчас плот двигался довольно споро.

Пейзажи однообразием не утомляли. Песчаные кручи, изъеденные дырами стрижиных нор, с нависающими челками поросшего травой дерна сменялись топкими торфяниками. За подступившими к самой воде ельниками следовали светлые сосновые боры. Ровные, вылизанные полоски пляжей незаметно истончались и превращались в чуть холмящиеся луга.

Иногда на берег выходила дорога и какое-то время бежала бок о бок с рекой. Потом она отступала, сворачивала и пропадала – возможно, и была еще рядом, но попробуй разгляди ее с воды.

Время от времени показывались деревеньки. Они обычно стояли на возвышенностях, между небольшим леском и широким полем. О приближении селения можно было узнать заранее по недавно выкошенным лугам и сметанным копушкам сена.

В деревнях можно было разжиться провизией: купить, выменять, выпросить, вытребовать, украсть. Путники уже дважды причаливали возле селений, Глеб оставался сторожить плот и имущество, а Ирт оправлялся в деревню и что-нибудь – хлеб, сыр, молоко, яйца – обязательно оттуда приносил. Глеб не понимал, как товарищу удается раздобыть столько продуктов. Денег у них не было, вещей на обмен Ирт с собой

не брал. Он несколько раз спрашивал об этом бывшего раба, но тот уходил от ответа. Лишь однажды Ирт обмолвился, что крестьяне в таких селениях очень любят послушать истории о путешествиях, приключения и драках.

Людей на пути встречалось немного: как-то они проплыли мимо рыбака, ставящего с лодки сеть; другой раз перекинулись парой слов со старым перевозчиком, переправляющим двух молодых крестьянок на место, где, как он утверждал, было столько земляники, что ее и ночью можно собирать. Видели они ребятню, бултыхающуюся на мелководье, пастуха, приведшего стадо на водопой, селянок, каменными валками отбивающих белье на длинных мостках – сочные шлепки были слышны издалека.

Зверей попадалось куда больше. То и дело реку переплывали лоси – их рогатые головы можно было принять за коряги. На мелководье азартно гонялись за рыбой молодые медведи. Семейства кабанов рылись в тине на отмелях. Выходили к воде стайки осторожных оленей. Плюхались с берегов бобры и выдры.

А однажды путешественники увидели гоблина.

Было утро. Ирт только что проснулся, Глеб же, как обычно, не спал вовсе. Над рекой стелился туман, вода казалась теплой, а тишина стояла такая, что было слышно, как шлепаются о воду капли росы, срывающиеся с ветвей прибрежных ив.

Гоблин острогой бил рыбу. Он стоял в камышах, зеленый

и оттого совсем незаметный. Наверное, он пристально следил за потенциальной добычей и потому не увидел, как далеко позади появился плот.

Скорей всего, Глеб тоже не заметил бы гоблина, оставайся тот неподвижным. Но когда расстояние между плотом и камышами составляло метров пятнадцать, зеленокожий остроухий охотник ударил острогой в воду. Глеб повернул голову на шум и тут же схватился за копье. Он хорошо знал, насколько могут быть опасны эти маленькие стремительные существа, редко охотящиеся в одиночку.

– Поворачивай, – шепнул Глеб Ирту. – Дальше от берега…

Уши гоблина дернулись – он услышал тихий человеческий голос.

Ирт, поняв, откуда исходит опасность, схватился за шест, торопливо погрузил его в воду, уперся в дно – глубина здесь была в человеческий рост.

Гоблин повернулся, оскалив мелкие острые зубы. Он поднял острогу над головой – на четырех остриях-спицах билась серебристая рыбина.

– Руот'тору уат'трат, – сказал ему Глеб, и не сразу понял, что означают эти странные, сами собой вырвавшиеся слова.

Когда-то он жил среди гоблинов.

Он перенял у них искусство сражаться копьем и пытался овладеть их языком. Но научился произносить лишь это приветствие.

«Мяса и крови твоему племени».

Гоблин, не двигаясь, пристально смотрел на человека. Точно так же он смотрел на рыбу за миг до того, как пронзил ее острогой.

– Руот'тору уат'трат, – повторил Глеб громче и поднял над головой копье.

Плот медленно уходил все дальше и дальше от камышей…

2

– Ты думал о своем предназначении, Богоборец? – спросил Ирт однажды вечером.

Они лежали на плоту, меж ними горел костер; на реке было тихо, лишь изредка всплескивали рыбы, тревожа спокойную водную гладь, похожую на раскатанную пластину свинца.

– Предназначение? – Глеб держал над огнем прут с насаженным на него окушком. – Какое может быть у меня предназначение?

– Предназначение есть у каждого, – назидательно сказал Ирт. – Только Двуживущие его лишены.

– Я пока не расстался с мыслью, что я и есть Двуживущий, – сказал Глеб, и задумался, насколько это заявление соответствует истине.

Ирт завозился, перевернулся на спину, заложил руки за

голову.

В пепельном небе вот-вот должны были появиться первые звезды.

– Мы созданы, а это означает, что у нас есть предназначение, – задумчиво сказал Ирт. – Иначе зачем мы? У кого-то из нас предназначение явное и конкретное. Например, принести в Мир некую вещь – сотворить ее, или отыскать, или выкупить. У других предназначение нечеткое – быть проводником у Двуживущих, работать в лавке, продавая оружие, содержать таверну… Иногда человек долго не может понять, в чем заключается его предназначение. Он мечется, пробует свои силы там и сям, ищет себя… Иногда ему кажется, что он понял цель своего существования. Но потом он разуверяется в этом, и снова начинает искать… А ведь предназначение может заключаться в поиске. Предназначение – это то, что ты делаешь. Ведь тебя сотворили таким. И если ты такой, какой есть – значит ты создан таким быть. Понимаешь?

Глеб хмыкнул, тоже перевернулся на спину, уставился в небо, не собираясь поддерживать этот разговор. А Ирт продолжал рассуждать:

– Если ты демон, как написано в твоей книге, и если тебя призвали, значит у тебя тоже есть предназначение. Тот, кто вызвал тебя, хочет что-то с твоей помощью получить. Хочет тебя использовать. В этом твое предназначение – и если ты не знаешь его, это вовсе не значит, что его у тебя нет.

«…в Мире начинается некая глобальная игра, – вспомнил

Глеб слова Белиала. – *Администраторы и модераторы раздают роли, готовят декорации…»*

– Ты странный, Ирт, – поразмыслив, сказал Глеб. – Иногда мне кажется, что ты прост, как неотесанное полено. Но иногда ты начинаешь говорить о таких вещах, что мне хочется заткнуть тебе рот и сбросить с плота в реку.

Ирт тихо рассмеялся:

– Когда я был гребцом, меня часто скидывали за борт, привязав к длинной веревке. Рот, правда, не затыкали. Но я держал его закрытым, чтобы не захлебнуться.

– А ты думал о своем предназначении? – спросил Глеб.

– Да. Конечно. Много раз.

– И какое оно у тебя?

– Выживать… Я пережил многое и многих. Мне везет там, где не везет остальным. Я прошел через такое, что и рассказать страшно… Выживать – это то, что у меня хорошо получается. А значит, для этого я и создан.

– А что хорошо получается у меня?

– Пока не знаю, – сказал Ирт. – Кажется, убивать.

Глеб улыбнулся:

– Хорошая у нас компания. Умеющий выживать и умеющий убивать.

– Ты убиваешь, чтобы выжить, – заметил Ирт. – Значит, мы действительно похожи, Богоборец.

Что-то стукнулось о бревна, и товарищи приподнялись. Они думали, что незаметно подплыли к берегу, ударились о

какую-нибудь корягу, торчащую со дна.

Нет же – оба берега были одинаково далеко.

А на воде рядом с плотом покачивалось нечто черное, бесформенное и лоснящееся. Глеб сперва решил, что это какая-нибудь дохлая рыбина, может сом, может огромный налим. Он уперся в тушу копьем, оттолкнул ее – и вдруг заметил, что из-под воды, из-под лоснящегося горба смотрит на него белое страшное лицо, окаймленное развевающимися волосами.

– Черт! – выругался Глеб, отпрянув и едва на наступив на костер. – Покойник!

Два берега отозвались гулким эхом, повторив слова человека. Далеко покатился голос по ровной глади реки, тревожа тишину.

Утопленник медленно перевернулся. Его неестественно длинная белая рука потянулась к ускользающим людям.

Ирт тоже вскочил на ноги, схватил шест, стал загребать им воду, словно веслом, уводя плот подальше от мертвеца.

А потом они увидели еще одно тело. Оно спокойно проплыло мимо; голые распухшие руки его двигались, и Глеб не сразу понял, что это рыбы щиплют их снизу, тянут, толкают, тревожат, не дают успокоиться.

Мраморное лицо покойника было устремлено вверх, к первым загорающимся звездам.

А из груди его торчала необычайно толстая и длинная стрела – если бы не оперение, ее можно было бы принять за

дротик.

– Не нравится мне это, – ежась, пробормотал Ирт.

Глеб, хоть ничего и не сказал в ответ, был совершенно с ним согласен.

3

Ирт полночи боролся со сном, щипал себя, кусал руку, немилосердно тер глаза, дергал мочки ушей, плескал в лицо водой. Будь они на твердой земле, а не на плоту, он бы придумал, как одолеть сонливость – побегал бы, попрыгал, собрал бы дров, потолкался бы с Богоборцем.

– Да не мучайся ты, – шепотом сказал Глеб. – Ложись и спи спокойно.

Ирт упрямо помотал головой. Не нравились ему эти трупы, почему-то плывшие против течения. Пугала и черная вода, окружившая плот – крохотный бревенчатый островок с глазком костра в центре, с шалашиком, в котором и от ветра невозможно спрятаться. А где берега? Далеко ли? Случись что, как спасаться, куда плыть? Может, сразу на дно?

А есть ли оно здесь, дно-то?

Лучше уж наверх смотреть, на звездное небо, затянутое легкой дымкой. Лечь на спину, согнуть ноги, постараться забыть, что затаившаяся вода совсем рядом, вода кругом, а в ней, может быть, плывут сейчас покойники…

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.